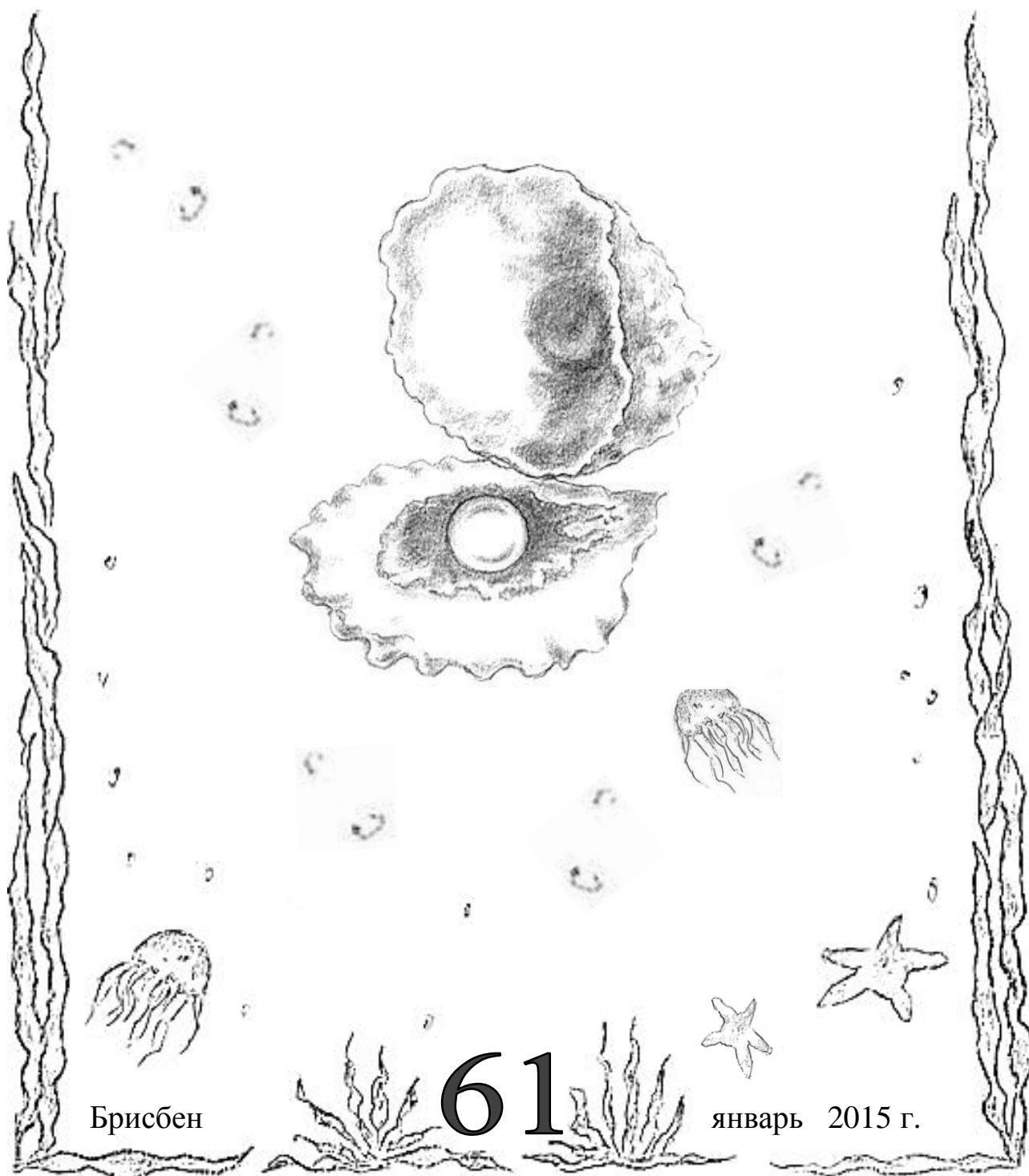

ЖЕМЧУЖИНА

Литературно-художественный образовательный журнал

«The Pearl» / «Zhemchuzhina» № 61 Brisbane, Australia, January 2015

Брисбен

61

январь 2015 г.

“The Pearl” / “Zemchuzhina”

Literary and Educational Journal in the Russian Language.
Published and printed by the Editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”
Brisbane, Australia.

«Жемчужина»

Литературно-художественный образовательный журнал.
Выпуск - 4 раза в год.

Copyright © Tamara Maleevsky - The Editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”

This publication is copyright. Apart from any fair dealing for the purposes of private study, research, criticism or review, as permitted under the Copyright Act, no part may be reproduced by any process without written permission of the Editor.

National Library of Australia cataloguing-in-publication data
“The Pearl” / “Zemchuzhina” - Literary and Educational Journal in the Russian Language

Index

ISSN 1443-0266

Signed articles express the opinions of the authors and do not necessarily represent the opinions of the editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”.

“Zemchuzhina” (“The Pearl”) is a magazine published at the Editor’s own expense as a non-profit publication for the Russian society, consequently, it does not offer any honorariums, stipends or other remuneration to its contributors.

Взгляды, высказываемые авторами в своих статьях, не обязательно совпадают с мнением редакции.

Журнал «Жемчужина» выпускается исключительно на личные средства издателя для русского общества и не преследует коммерческих целей. Следовательно, издатель не выплачивает никаких гонораров, стипендий или иных вознаграждений авторам, труды которых он печатает.

Редакция оставляет за собой право сокращать рукописи и изменять их стилистически.

Рукописи, не принятые к печати, не обсуждаются и не возвращаются.

Адрес для связи:

tamaleevpearl@optusnet.com.au или tamaleevpearl@gmail.com

*Просьба: посылая работу по E-mail, обязательно делать пометку - “For Pearl”.

Tel: редакция - (07) 3161-49-27 mobile: 0404559294

Сайт журнала в Интернете - <http://zemchuzhina.yolasite.com>

Цена отдельного номера - \$ 6 плюс \$ 2.10 пересылка по Австралии и упаковка.

Стоимость годовой подписки (4 журнала), включая пересылку по Австралии - \$ 33

С Рождеством Христовым и Новым Годом!

Рождество

В яслях лежит Ребенок.
Матери нежен лик.
Слышат волы спросонок
Слабенький детский крик.

А где-то в белых Афинах
Философы среди колонн
Спорят о первопричинах,
Обсуждают новый закон.

И толпы в театрах Рима,
Стеснившись по ступеням,
Рукоплещут неумоимо
Гладиаторам и слонам.

Придет Он не в блеске грома,
Не в славе побед земных,
Он трости не переломит
И голосом будет тих.

Не царей назовет друзьями,
Не князей призовет в совет —
С галилейскими рыбаками
Образует Новый Завет.

Никого не отдаст на муки,
В оковы не закует,
Но Сам, распростерши руки,
В смертельной муке умрет.

И могучим победным звоном
Легионов не дрогнет строй.
К мироносицам, тихим женам,
Победитель придет зарей.

Со властью непостижимой
Протянет руку, один,
И рухнет гордыня Рима,
Растает мудрость Афин.

В яслях лежит Ребенок.
Матери кроток лик.
Слышат волы спросонок
Слабенький детский крик.

Стихи покойного **Митрополита Владимира (Сабодан)**
Киевского и всея Украины, Предстоятеля УПЦ (МП) →

Дорогих читателей, подписчиков и
друзей журнала сердечно поздравляем
с Рождеством Христовым
и Новым 2015 годом!

Счастья и здоровья всем, и успеха во всех
добрых начинаниях.

Но более всего – МИРА на всей земле!

Редакция «Жемчужины».

Молитва

К Тебе, Пречистая, подьмлю руки
С надеждою и трепетной мольбой,
К Твоим стопам несу я сердца муки,
Я истомлен житейскою борьбой.
Ты мрак души моей, о Матерь Света,
Своим святым сияньем озари;
Плащом грехов она всегда одета.
Грехи мои увидеть умудри!
Тобой Любовь сошла с Небес на землю,
Пусть на меня сойдут ее лучи,
Пусть благодать их мой дух большой объемлет,
И недуг мой греховный облегчит.

От редакции:

Литературная «Жемчужина»

(Интервью – из газеты «Единение», Сидней, 12/1/2015)

«Многие читатели и люди пишущие - в Австралии, России и других странах - хорошо знакомы с выходящим уже долгое время в Брисбене литературно-художественном журналом «Жемчужина». Недавно в жизни журнала и его создателя и редактора Т.Н. Малеевской произошли 2 радостных события. В октябре 2014 года - с выходом журнала № 60 – «Жемчужине» исполнилось ровно 15 лет. А в декабре Тамару Малеевскую - автора рассказов, очерков, стихов, ряда статей и воспоминаний - приняли в Российский Союз писателей.

Редактор русской газеты в Австралии обратился к Тамаре, с которой «Единение» поддерживает творческие и дружеские контакты уже много лет, с просьбой вспомнить историю создания журнала, рассказать о тех наших русских австралийцах, чьи произведения «Жемчужина» публиковала на своих страницах.»

* * *

Т.М. Не приходится и говорить, что, для человека рождённого и прожившего всю жизнь за границей, признание в России - это не только большая радость, но и честь.

Однако радость - радостью, а жизнь и работа над журналом продолжают, и сейчас хотелось бы немного рассказать именно о «Жемчужине» и её лучших друзьях-авторах, которые при своей жизни оказывали огромную моральную поддержку и оставили о себе добрую память.

15 лет - для любого журнала - срок немалый, особенно, если учесть, что издание литературного журнала на русском языке в англоязычной стране с самого начала осуществлялось, и осуществляется, исключительно на личные средства редактора-издателя. А поскольку весь труд по изданию журнала жертвенный, каждый понимает, что о гонорарах не может быть и речи.

Сейчас всё чаще приходится слышать вопрос: «Как пришла идея издавать русский журнал на нерусском континенте и, каково было реализовать её в жизнь?»

Постараюсь ответить вкратце. Во-первых, в момент создания «Жемчужины» - т.е. в 1999 году - в Австралии, уже долгое время, не было русского литературного журнала. А мечта - создать что-то прекрасное во имя России - жила во мне, и не давала покоя с давних пор. Конечно, мечта не сразу приняла определённые формы. Но вот, подошёл момент, когда в душе начал зарождаться образ «Жемчужины» - я как бы «увидела» её в своём сердце... - и полюбила на всю жизнь. И тогда стало ясно: если «Жемчужины» нет в природе, значит, надо создать её самой.

С начала своего основания, «Жемчужина» была, и остаётся журналом светским. Но, как и прежде, его направление - верность Православию, патриотизм и безграничная любовь к исторической России.

При зарождении «Жемчужины» предполагалось, что журнал будет чисто местного характера. Но получилось так, что с первых же шагов журнал себя перерос, и писать для «Жемчужины» стали как австралийские авторы, - т.е. русские харбинцы, послевоенные эмигранты из Европы, и даже некоторые из новоприезжих, - так и поэты/прозаики из США, Венесуэлы, Франции, Италии и, конечно же, из всех уголков России и бывших её республик. Но пришло время, и «Жемчужина» подружилась с Интернетом... и теперь география авторов и читателей вообще потеряла границы.

Читатели в своих отзывах постоянно отмечают, что журнал красочный, насыщенный, что его содержание интересное. Это радует. В конце концов в течение 15 лет в «Жемчужине» собирались образцы великой русской классики; также принимали и принимают участие современные русские православные писатели и поэты; есть и серьезные произведения, призывающие задуматься о жизни, есть и добрый юмор. Поэтому все редакторские силы направлены на то, чтобы журнал таким оставался.

Редакторские силы... Невольно вспоминается, что, помимо финансовой стороны, с самого начала основания журнала было ясно и другое: всю работу по изданию «Жемчужины» редактору придётся взять на себя. Дело в том, что члены редколлегии - замечательные люди и талантливые авторы - все они жили в разных штатах Австралии. Почти все были в преклонном возрасте, и в скором времени должны были неизбежно уйти в иной мир. И они ушли. Но светлая, благодарная память о них осталась навсегда.

Помнится, ещё только обдумывая затею «Жемчужины», я сразу же позвонила в Сидней своим друзьям и коллегам - редактору исторического журнала-летописи «Австралиада» Н.А. Мельниковой и Л.А. Ястребовой - и поделилась с ними заветной мечтой. Первое, что от них услышала, - это была их поддержка и «благословение» в добрый путь. С тех пор их сердечное отношение и пожелания успеха неизменно претворялись в дело.

Так Н.А. Мельникова, несмотря на занятость в «Австралиаде», сразу же поддержала детский раздел в «Жемчужине» - прислала стихотворное послание в почтовый ящик одноименному герою сказок про «Тузика», который живёт в журнале с 1-го по 60 номер и успел заслужить почётное звание «легенды». И следом же, для 2-го номера, Наталья Анатольевна прислала свой замечательный литературный очерк о Лермонтове.

Почти сразу в «новорожденную» редакцию позвонил из Мельбурна поэт И.М. Смолянинов, член Союза Писателей России, и объявил: «Я ваш друг». И другом «Жемчужины» - верным, искренним и бескорыстным - Игорь Михайлович оставался до последнего дня своей жизни, пока не ушёл из жизни в 2007 г.

Жизнь Смолянинова была сложной: сын «врагов народа», оставшись без родителей, познал всю горечь лишений и одиночества; во время войны попал в немецкий плен, и в результате потерял возможность вернуться в родной Киев, который, кстати, всегда считал «Матерью городов русских». Всю жизнь поэт тосковал о родине и посвятил ей всё своё творчество. Создал цикл рассказов о войне, автор множества стихов и поэм. Хочется привести хотя бы одно из них...

Киевская весна

Над хребтами крыш дрожат созвездия,
Чуть алеют проблески зари, -
Словно в ожидании возмездия
Плачут жёлтым светом фонари.

В тишине, весенними ночами,
С трепетанием зарниц вдали,
Белыми пахучими свечами
Старые каштаны расцвели.

Город спит, запутавшийся в улицах,
В переулках, в каменных дворах,
И в тумане призрачном сутулится
Старая Батыева гора...

И как будто оживают тени
Древних, незапамятных времён, -
И черёмухой, и запахом сирени
Воздух до предела напоён...

Туча с грозowymi пересветами
В Заднепровье тихо уплыла,
Византийскими темнеют силуэтами
Золотой Софии купола.

И как древле, споря с печенегом,
Русской буйной удали полна,
Киев залила хмельным набегом
Ярая, кипучая весна.

Очень скоро из Мельбурна откликнулся ещё один поэт - А.М. Карель, также член Союза Писателей России. Судьба Кареля во многом схожа с судьбой Смолянинова. Неизбывной болью и безграничной любовью звучат воспоминания Анатолия Михаловича о поездке в Россию, тогда ещё «сср».

За окном вагона - даль равнины
Уплывает медленно назад,
А вблизи - то ели, то осины,
Промелькнув, мне "здравствуй!" говорят.

Кажется, как будто за спиной
Не стоит годам прожитым счет!
Кажется, за этой вон избою
Девушка меня, как прежде, ждет.

Там и здесь - плывут деревни, хаты,
Без заборов, выстроены в ряд,
Будто бы уставшие солдаты
Эту Русь веками сторожат.

Нет! Меня никто здесь не узнает,
Не узнаю никого и я!
Потому и поезд продолжает
Путь назад в далёкие края.

Здесь, сейчас, сойти б на полустанке,
Через выгон, через огород
Пробежать, как в детстве, без оглядки,
Юркнуть в сени за родной порог.

Я вернусь домой в страну другую,
В тёплую и добрую страну,
А про боль за бедную, родную,
Никому и слова не скажу.

Одним из первых и постоянных друзей и авторов «Жемчужины» была также Лидия Александровна Ястребова. Лидия Александровна писала увлекательные рассказы, романы; её стихи всегда были полны искромётного юмора. Но одно из них, посвящённое кончине поэтессы Елены Недельской в 1981 г., поражает болью невозвратимой утраты...

Вы ушли и грустно стало, что вас с нами нет...
Только книжечка осталась, да еще портрет.
Ни улыбку не увидим, ни движенья губ,
Лишь рассыпан в переплете черный бисер букв.
А во всех стихотвореньях столько ваших чувств!

Жаль, их больше не услышим мы из ваших уст...
Вы ушли, оставив людям много теплых слов,
Тех, что вы вложили в строчки музыки стихов.
Вы еще бы написали, если б жизнь продлить,
Только смерть одним желаньем не остановить...

Талантливая писательница и поэтесса Елена Александровна Якупова, родная сестра Ястребовой, была также верным другом «Жемчужины», и радовала читателей своим творчеством не один раз. Стихотворение Якуповой, где она вспоминает свою первую любовь в водовороте революции, невозможно не упомянуть... - такой болью пронизаны его строки против жестокой судьбы.

В ТАКУЮ НОЧЬ

В такую ночь, как эта, тяжелее
Вытравливать из памяти живой
Другую ночь... Прибрежную аллею
Захлёстывал бушующий прибой.
И отблеск молний предвещал ненастье.
Мы оба знали: в этот поздний час,
Как вестник зла, тебе пришёл из части
Неумолимый воинский приказ.
Ты говорил о нашей трудной доле,
Ты что-то мне доказывал, а я,
Едва дыша, окаменев от боли,
Последний раз глядела на тебя.
Ты нежно обнимал меня за плечи,
Ты ждал ещё каких-то перемен,
Ты верил в неизбежность нашей встречи
И в то, что жизнь свела нас не за тем,
Чтоб, полюбив, по воле злой расстаться,
Что есть же справедливость и закон,
Что надо хлопотать и добиваться,
Что этот политический кордон

Забудется, как грубая ошибка,
И правда восстановится сполна...
Ты улыбался, но твоя улыбка
Была отчаянья и горечи полна.
Вдруг хлынул дождь. Деревья зашумели.
Дорога наша подошла к концу,
И ты, укрыв меня полкой своей шинели,
Приник губами к моему лицу.
А завтра, в дымном зареве заката,
Ты отплывёшь, оставив за бортом,
Чужой причал, последний лязг каната,
И город в сумерках, и мой далёкий дом.
Мир опустел. Мелькают дни, как тени,
Перед грозой неиствует прибой,
В такую ночь я встану на колени
У Бога вымолить забвенье и покой.
Но нет на всей земле такого места,
Где б я на счастье обрела права.
Тебя любила я, как друг и как невеста,
Оплакиваю горько, как вдова.

Много было и есть у «Жемчужины» добрых и верных друзей. Увы, нет возможности упомянуть всех, но всё же особо выделяется в среде новой местной эмиграции Канберрский автор Геннадий Гончаров, или Ген-Гон, как его любя окрестила «Жемчужина». Читатели постоянно обращали внимание на то, что рассказы Геннадия - невероятные похождения геолога, несмотря на все трудности и опасность на каждом шагу - всегда были полны света и безграничной доброты. А ещё был Игорь Гантимуров... К сожалению, «был». Самородок, исключительно талантливый поэт, да ещё и переводчик, ушёл из жизни 11 июля 2014 г.

От всего сердца благодарю авторов и желаю им творческого вдохновения и много лет плодотворной работы и благодарных читателей. А тех, кто покинул эту жизнь, оставив о себе добрую память, хочется почтить стихотворением, которое я читала в 1998 г. в Сиднее, в Русском клубе, на презентации сборника изданного «Австралиадой» - «Антология русских поэтов Австралии».

Над вечным покоем

Далеко от родного погоста
Есть клочки православной земли –
Вечный сон пал на русские кости,
Что покой на чужбине нашли...

Ветерок не ковыль там колышет,
Им не русские песни поёт.
Австралийское солнце там пышет,
Беспощадно палит и печёт.

Но бывают деньки золотые,
Или тёплой вечерней порой,
Слышно пенье - молитвы святыя:
«Боже, душу скитальца покой...»

И тогда, повторяя как эхо,
Эвкалиптовый шорох ветвей,
Кукабарра раскатистым смехом
Словно горько заплачет о ней...

Только пенье несётся всё шире,
Примирия страданье души –
Ничего нет прекраснее в мире
Скромной русской молитвы в тиши...

Наши деды, отцы – её слышат.
Они вновь обретают покой.
И, быть может, им снится: колышет
Своей зеленью дуб вековой...

Или, может, к родному порогу
Их молитва опять привела:
Не к степям и берёзкам, но к Богу...
Наша родина – только одна...

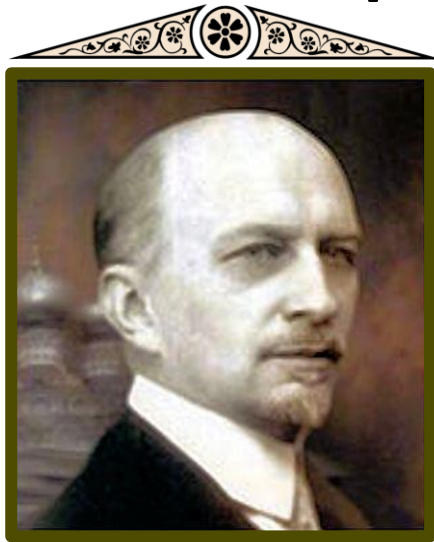
Далеко от родного погоста
Есть клочки православной земли –
Там покоятся русские кости,
Вечный сон там скитальцы нашли.

1998 г.

Тамара Малеевская. Брисбен.

Основы христианской культуры

О сопротивлении злу силою

И сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, также и овец, и волов, и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул.

Иоанна 2:15

Грозные и судьбоносные события, постигшие нашу чудесную и несчастную родину, пронесаются опаляющим и очистительным огнем в наших душах. В этом огне горят все ложные основы, заблуждения и предрассудки, на которых строилась идеология прежней русской интеллигенции. На этих основах нельзя было строить Россию, эти заблуждения и предрассудки вели ее к разложению и гибели. В этом огне обновляется наше религиозное и государственное служение, отвергаются наши духовные зеницы, закаляется наша любовь и воля. И первое, что возродится в нас через

это, - будет религиозная и государственная мудрость восточного Православия и особенно русского Православия. Как обновившаяся икона являет царственные лики древнего письма, утраченные и забытые нами, но незримо присутствовавшие и не покидавшие нас, так в нашем новом видении и волеии да проглянет древняя мудрость и сила, которая вела наших предков и строила нашу святую Русь!

В поисках этого видения мыслью и любовью обращаюсь к вам, белые воины, носители православного меча, добровольцы русского государственного тягла! В вас живет православная рыцарская традиция, вы жизнью и смертью утвердились в древнем и правом духе служения, вы соблюли знамена русского Христолюбивого Воинства. Вам посвящаю эти страницы и вашим Вождям. Да будет ваш меч молитвою, и молитва ваша да будет мечом!

Ко всем друзьям и единомышленникам, которые помогли мне в этой работе, и особенно к издателю этой книги я навсегда сохраню в душе благодарное чувство.

Автор.

1. ВВЕДЕНИЕ

В страданиях мудреет человечество. Невидение ведет его к испытаниям и мукам, в мучениях душа очищается и прозревает, прозревшему взору дается источник мудрости – очевидность. Но первое условие умудрения - это честность с самим собою и с предметом перед лицом Божиим.

Может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом? Может ли человек, верующий в Бога, приемлющий Его мироздание и свое место в мире, не сопротивляться злу мечом и силою? Вот двуединый вопрос, требующий ныне новой постановки и нового разрешения. Ныне особенно, впервые, как никогда раньше, ибо беспочвенно и бесплодно решать вопрос о зле, не имея в опыте подлинного зла, а нашему поколению опыт зла дан с особенною силою впервые, как никогда раньше. В итоге долго назревавшего процесса злу удалось ныне освободить себя от всяких внутренних раздвоенностей и внешних препон, открыть свое лицо, расправить свои крылья, выговорить свои цели, собрать свои силы, осознать свои пути и средства; мало того, оно открыто узаконило себя, сформулировало свои догматы и каноны, восхвалило свою, не скрытую более природу и явило миру свое духовное естество. Ничего равносильного и равнопорочного этому человеческая история еще не видала или, во всяком случае, не помнит. Столь подлинное зло впервые дано человеческому духу с такою откровенностью. И понятно, что при свете этой новой данности многие проблемы духовной культуры и философии, особенно те, которые имеют непосредственное отношение к идеям добра и зла, наполняются новым содержанием, получают новое значение, по-новому освещаются и требуют предметного пересмотра. И прежде всего - с виду морально-практический, а по существу глубокий, религиозно-метафизический вопрос о сопротивлении злу, о верных, необходимых и достойных путях этого сопротивления.

Этот вопрос надо поставить и разрешить философически, как вопрос, требующий зрелого духовного опыта, продуманной постановки и беспристрастного решения. Для этого необходимо прежде всего отрешиться от преждевременных и торопливых выводов применительно к

своей личности, к ее прошлым действиям и будущим путям. Исследователь не должен предвзятно относиться к своему исследованию отпугивающими возможностями или перспективами, он не должен торопиться судить свое прошлое или позволять чужому осуждению проникать в глубину сердца. Каково бы ни было последнее решение вопроса, оно не может быть практически единственным или одинаковым для всех: наивность всеуравнивающей, отвлеченной морали давно уже осознана в философии, и требовать, чтобы «все всегда» сопротивлялись злу силой или чтобы «никто никогда» не сопротивлялся силе злу, - бессмысленно. Только неиспуганный, свободный дух может подойти к проблеме честно, искренно, зорко, все додумать и договорить, не прячась трусливо и не упрощая, не заговаривая себя словами аффектированной добродетели и не увлекая себя ожесточенными жестами. Весь вопрос глубок, утончен и сложен, всякое упрощение здесь вредно и чревато ложными выводами и теориями, всякая неясность опасна и теоретически, и практически, всякое малодушие искажает формулу вопроса, всякое пристрастие искажает формулу ответа.

Но именно поэтому необходимо раз навсегда отрешиться от той постановки вопроса, которую с такой слепой настойчивостью вталкивали и постепенно втащили в философски неискушенные души - граф Л. Н. Толстой, его сподвижники и ученики. Отправляясь от чисто личного, предметно не углубленного и не проверенного опыта «любви» и «зла», предвзятая этим и глубину и ширину самого вопроса, урезывая свободу своего нравственного видения чисто личными отращениями и предпочтениями, не подвергая внимательному анализу ни одного из обсуждаемых духовных содержаний (напр.: «насилие», «зло», «религиозность»), умалчивая о первоосновах и торопясь с категорическим ответом, эта группа морализирующих публицистов неверно поставила вопрос и неверно разрешила его и затем со страстностью, нередко доходившей до озлобления, отстаивала свое неверное разрешение неверного вопроса как богооткровенную истину. И так как материал истории, биологии, психологии, этики, политики и всей духовной культуры не укладывался в рассудочные схемы и формулы, а схемы и формулы претендовали на всеобщее значение и не мирились с исключениями, то, естественно, начался отбор «подходящего» материала и отвержение «неподходящего», причем недостаток первого восполнялся художественно «убедительными» построениями. Проповедовался наивно-идиллический взгляд на человеческое существо, а черные бездны истории и души обходились и замалчивались. Производилось неверное межевание добра и зла: герои относились к злодеям, натуры безвольные, робкие, ипохондрические, патриотически мертвенные, противогражданственные - превозносились как добродетельные. Искренние наивности чередовались с нарочитыми парадоксами, возражения отводились, как софизмы; несогласные и непокорные объявлялись людьми порочными, подкупными, своекорыстными, лицемерами. Вся сила личного дара вождя и вся фанатическая ограниченность его последователей обращалась на то, чтобы духовно навязать другим собственную ошибку и распространить в душах собственное заблуждение. И естественно, что учение, узаконивающее слабость, возвеличивающее эгоцентризм, потакающее безволию, снимающее с души общественные и гражданские обязанности и, что гораздо больше, *трагическое бремя мироздания*, - должно было иметь успех среди людей, особенно неумных, безвольных, малообразованных и склонных к упрощающему, наивно-идиллическому мирозерцанию. Так случилось, что учение графа Л.Н. Толстого и его последователей привлекало к себе слабых и простодушных людей и, придавая себе ложную видимость согласия с духом Христова учения, отравляло русскую религиозную и политическую культуру.

Русская философия должна вскрыть все это незаметно внедрившееся в души гнездо опытных и идейных ошибок и постараться раз навсегда удалить отсюда все неясности и наивности, всякое малодушие и пристрастие. В этом ее религиозное, научное и патриотическое призвание: помочь слабым увидеть и укрепить, а сильным удостовериться и умудриться.

2. О САМОПРЕДАНИИ ЗЛУ

В самой преддверии проблемы необходимо установить с очевидностью, что о несопротивлении злу в буквальном смысле этого слова никто из честных людей и не думает, что одна склонность к такому несопротивлению превращает человека из нравственного врача и духовного субъекта - в нравственного пациента и в объект духовного воспитания. А это значит, что не он будет обсуждать проблему непотворения, а уже *про него* будет идти спор, что именно с ним делать и как именно следует противиться *ему* или чему-то, что есть *в нем*.

В самом деле, что означало бы «непротивление» в смысле отсутствия всякого сопротивления? Это означало бы *приятие* зла: допущение его в себя и предоставление ему свободы, объема и власти. Если бы при таких условиях восстание зла произошло, а несопротивление

продолжалось, то это означало бы подчинение ему, самопредание ему, участие в нем и, наконец, превращение себя в его орудие, в его орган, в его рассадник - наслаждение им и поглощение им. Это было бы вначале добровольное самораствление и самозаражение, это было бы в конце - активное распространение заразы среди других людей и вовлечение их в сопогибель. Но тот, кто *совсем* не сопротивляется злу, тот воздерживается и от порицания его, ибо порицание, хотя бы вполне внутреннее и молчаливое (если бы таковое было возможно!), - есть уже внутреннее сопротивление, чреватое практическими выводами и напряжениями, борьбой и сопротивлением. Мало того, пока живо в душе неодобрение или хотя бы смутное отвращение, до тех пор человек еще сопротивляется: он, может быть, *восстает* нецельно, но он все-таки раздвоен, он борется внутри себя, и вследствие этого самое приятие зла не удается ему; даже совсем пассивный вовне, он сопротивляется злу внутренне, осуждает его, возмущается, разоблачает его перед самим собою, не поддается его страхам и соблазнам и, даже поддаваясь отчасти, корит себя за это, собирается с духом, негодует на себя, *отворачивается* от него и очищается в покаянии, даже захлебываясь, сопротивляется и не тонет. Но именно поэтому полное отсутствие всякого сопротивления, и внешнего и внутреннего, требует, чтобы прекратилось осуждение, чтобы стихло порицание, чтобы *возобладало одобрение зла*. Поэтому несопротивляющийся злу рано или поздно приходит к необходимости уверить себя, что зло - не совсем плохо и не так уж безусловно есть зло, что в нем есть некоторые положительные черты, что их притом немало, что они, может быть, даже преобладают. И лишь по мере того, как ему удастся уговорить себя, заговорить свое здоровое отвращение и уверить себя в белизне черноты, - угасают остатки сопротивления и осуществляется самопредание. И когда отвращение стихает и зло уже не переживается, как зло, тогда приятие незаметно становится цельным: душа начинает *верить*, что черное - бело, приспособляется и уподобляется, становится сама черною, и вот уже одобряет и наслаждается, и, естественно, восхваляет то, что дает ей наслаждение.

Таков духовный закон: несопротивляющийся злу *поглощается* им и становится *одержимым*. Ибо «зло» - не пустое слово, не отвлеченное понятие, не логическая возможность и не «результат субъективной оценки». Зло есть прежде всего *душевная склонность* человека, присутствующая каждому из нас, как бы некоторое, живущее в нас *страстное тяготение* к разнуданию зверя, тяготение, всегда стремящееся к расширению своей власти и к полноте захвата. Встречая отказы и запреты, наталкиваясь на стойкие пресечения, поддерживающие духовные и моральные грани личного и общественного бытия, оно стремится просочиться сквозь эти препоны, усыпить бдительность совести и правосознания, ослабить силу стыда и отвращения, принять приемлемое обличие, и если возможно, то расшатать и разложить эти живые грани, эти зиждущие формы личного духа, как бы опрокинуть и рассыпать волевые стены индивидуального Кремля. Духовное воспитание человека состоит в построении этих стен и, что еще важнее, в сообщении человеку потребности и умения самостоятельно строить, поддерживать и отстаивать эти стены. Чувство стыда, чувство долга, живые порывы совести и правосознания, потребность в красоте и в духовном сорадовании живущему, любовь к Богу и родине - все эти истоки живой духовности в единой и совместной работе создают в человеке те духовные *необходимости* и *невозможности*, которым сознание придает форму убеждений, а бессознательное - форму благородного характера. И вот эти духовные необходимости поступать «так-то» и невозможности поступить «иначе» - сообщают единство и определенность личному бытию; они слагают некий духовный уклад, как бы живой костяк личного духа, поддерживающий его строение, его оформленное бытие, сообщающий ему его мощь и державу. Размягчение этого духовного костяка, распадение этого духовного уклада означало бы духовный конец личности, превращение ее в жертву дурных страстей и внешних воздействий, возвращение ее в то хаотически-разрешенное состояние, где духовных необходимостей нет, а душевные возможности неисчислимы.

Понятно, что чем бесхарактернее и беспринципнее человек, тем ближе он к этому состоянию и тем естественнее для него совсем не сопротивляться злу. И обратно, чем менее человек сопротивляется злу, тем более он приближается к этому состоянию, попирая сам свои «убеждения» и расшатывая сам свой «характер». Несопротивляющийся сам разламывает стены своего духовного Кремля, сам принимает тот яд, от действия которого размягчаются кости в организме. И естественно, что от несопротивления злу - злая страсть расширяет свое господство до полноты: куски страсти, уже облагороженные, совлекают с себя ризы своего благородства и вливаются в общий мятеж; они уже не держат грань и предел, но сами предаются бывшему врагу и вскипают злом. Злая одержимость становится целью и влечет душу на своих путях, по своим законам. Одержимый злою страстью несопротивляющийся буйствует потому, что сам

отверг все удерживающее, направляющее и оформляющее: вся сопротивлявшаяся сила стала силою самого буреносщего зла, и дыхание гибели питается ожесточением самого погибающего. Вот почему конец его неистовства есть конец его душевно-телесного бытия: безумие или смерть.

Такое разложение духовности в душе может наступить у слабого человека в зрелом возрасте, но оно может вести свое начало от детства и притом или так, что первоначальное зерно духовности, потенциально имеющееся у каждого человека, совсем не было вызвано к живой самодеятельности или же оно оказалось, в результате внутренней слабости и внешних соблазнов, творчески нежизнеспособным и бесплодным. Во всех случаях слагается картина внутреннего недуга, имеющая чрезвычайное психопатологическое значение и интерес. Человек, духовно дефективный с детства, может выработать в себе даже особый душевный уклад, который при поверхностном наблюдении может быть принят за «характер», и особые воззрения, которые по ошибке принимаются за «убеждения». На самом же деле он, беспринципный и бесхарактерный, остается всегда рабом своих дурных страстей, пленником выработавшихся душевных механизмов, одержавших его и всесильных в его жизни, лишенных духовного измерения и слагающих кривую его отвратительного поведения. Он *не сопротивляется* им, но извортливо наслаждается их игрой, заставляя наивных людей принимать его *злую одержимость* за «волю», его *инстинктивную хитрость* за «ум», порывы его злых страстей за «чувства». Влачасть в противодуховных страстях, он выговаривает свою природу в соответствующей противодуховной «идеологии», в которой радикальное и всестороннее безбожие сливается воедино с немучительной для него самой душевной болезнью и законченным нравственным идиотизмом. Естественно, что духовно здоровые люди вызывают у такого человека лишь раздражение и злобу и разжигают в нем большое властолюбие, в проявлениях которого вспышки мании величия неизбежно чередуются с вспышками мании преследования. После духовных бед, разразившихся над миром в первую четверть двадцатого века, нетрудно представить себе, что может создать кадр таких, одержимых злобою, агрессивно изуверствующих людей.

В противоположность этому всякая зрелая религия не только открывает природу «блага», но и научает борьбе со злом. Вся дохристианская восточная аскетика имеет два уклона: отрицательный - поборающий и положительный - возводящий. Это есть то самое «не во плоти воинствование» («стратегия»), о котором разъясняет Коринфянам апостол Павел. Однако нигде, кажется, это внутреннее сопротивление злу не разработано с такою глубиной и мудростью, как у аскетических учителей восточного православия. Объективируя начало зла в образ невещественных демонов, Антоний Великий, Макарий Великий, Марк Подвижник, Ефрем Сирианин, Иоанн Лествичник и другие учат неутомимой внутренней «брани» с «непримечаемыми» и «ненасилующими» «приражениями злых помыслов», а Иоанн Кассиан прямо указывает на то, что «никто не может быть прельщен диаволом, кроме того, кто *«сам восхоцет дать ему своей воли согласие»*. Духовный опыт человечества свидетельствует о том, что несопротивляющийся злу не сопротивляется ему именно постольку, поскольку он сам уже зол, поскольку он внутренне принял его и *стал им*. И потому предложение, всплывающее иногда в периоды острого искушения, - «предаться злу, чтобы изжить его и обновиться им» - исходит всегда от тех слоев души или, соответственно, от тех людей, которые уже сдались и жаждут дальнейшего падения: это прикровенный голос самого зла.

Нет сомнения, что граф Л.Н. Толстой и примыкающие к нему моралисты совсем не призывают к такому полному несопротивлению, которое было бы равносильно добровольному нравственному саморазвращению. И неправ был бы тот, кто попытался бы понять их в этом смысле. Напротив, их идея состоит именно в том, что борьба со злом необходима, но что ее целиком следует перенести во внутренний мир человека, и притом именно того человека, который сам в себе эту борьбу ведет; такой борец со злом может найти в их писаниях даже целый ряд полезных советов. «Непротивление», о котором они пишут и говорят, не означает внутреннюю сдачу и присоединение ко злу; наоборот, оно есть *особый вид сопротивления*, т.е. неприятия, осуждения, отвержения и противодействия. Их «непротивление» означает противление и борьбу, однако лишь некоторыми, излюбленными средствами. Они приемлют цель: преодоление зла, но делают своеобразный выбор в путях и средствах. Их умение есть учение не столько о зле, сколько о том, как именно не следует его преодолевать. Само собою разумеется, что только такая борющаяся природа их «непротивления» дает основание философически обсуждать их утверждения. Однако такое обсуждение не может принять ни выдвинутую ими постановку вопроса, ни тем более даваемый ими ответ.

Иван ИЛЬИН.

Печаль моя...

Печаль моя, она от Бога,
От невозвратной старины,
От незабвенного порога,
От нежности, от седины,

От неизбежных расставаний,
Утрат грядущих и былых,
От умирающих желаний,
Когда-то ярких, дорогих.

Печаль моя, она струится
В словах, движеньях и делах.
Она парит, подобно птице
И... застывает на устах.

Она прозрачна и не гложет,
Не отравляет ядом кровь.
Она печаль, но в радость может
Мгновенно превратиться вновь!

20.06.2014 **В.К. Невярович.**
Россия.

В СОРОК ПЕРВОМ

То было время грозное
Земля и небо - всё в огне.
И город наш, что под Москвою,
Был с фронтовыми наравне.

И там , и тут рвались снаряды,
Дома валялись и сады.
Не то что хлебу... - были рады
Мы горьким щам из лебеды.

Но что они для карапузов,
Те щи пустые - лишь вода...
И подтянув к груди рейтузы,
Мы к свалке двинулись тогда.

Был слух такой: туда порою
Из кухонь всех госпиталей
С картофельною шелухой
Бросали клубни погнилей.

Лишь бурый гипс да бинт кровавый
На свалке этой мы нашли.
И хуже не было отравы
Для впечатлительной души.

Домой летели - как поближе,
Зажав сырой ладонью рот...
Мне о войне не надо книжек:
Забыть ли сорок первый год?!

Владимир Колабухин. Ярославль.

Привезите мне белого...

Привезите мне белого цвета Онежского озера.
Привезите мне белого света олонечкой полночи.
Привезите мне белого снега с дороги просёлочной
В час, когда уходящего солнца следы подморозило.

Пусть над серой землёй кобылица с туманною гривой
Пронесётся, оставив гостинцы такие желанные:
Беломорский напев вперемешку с крупичами манными
Да карельскую тишь, предрассветную, неповторимую.

Белый цвет расцветёт за окошком букетом приветливым.
Белый свет домотканой дорожкой по полу расстелется.
Белым снегом укутает даль, и, конечно, поверится,
Что в такой белизне и сердца станут более светлыми.

Молодая Луна обернётся княжной белолицею,
Черноокая ночь побелеет и станет белёсою.
Всё наполнится Богом, как поле дрожащими росами.
Пропитается тайной, как небо ночными зарницами.

И над белою гладью едва задремавшего озера
Ветер - вольный поэт - будет строчки слагать немудрёные,
И читать их княжне, и летать меж поникшими клёнами
В час, когда уходящего года следы подморозило.

Сайт «Свете Тихий».

Алексей Гушан.

МИР ВСКОЛЫХНУЛСЯ

Мир всколыхнулся и пошел гудеть....
И мы к нему причастны непреложно.
Как в реку времени, уж дважды невозможно,
Так золотом уже не станет медь.
... А как еще к реальности вернуть,
Нас всех погрязших в путях интернета,
Привязанных к карьере, мненью света,
К торгам на бирже.... Да не в этом суть!
Мир всколыхнулся! Мира больше нет!
Как сложно нам терять свои устои!
И заглянуть в себя : «Чего я стою?»
И для себя оттягивать ответ....

Свете Тихий

Альбина Янкова.

Утерянное всегда находишь
в последнем кармане. (Закон Буба)

В ЯЗЫКЕ ЗАЛОЖЕН ВЕКТОР РАЗВИТИЯ НАРОДА

Беседа с писателем Василием Ирзабековым

Для Фазиля (в святом крещении Василия) Давид оглы Ирзабекова русский язык стал не просто родным и сферой профессиональной деятельности, а сакральным зеркалом, в котором он рассмотрел великий народ. В своей книге «Тайна

*русского слова», рекомендованной для чтения в средних классах общеобразовательной школы, Василий Давидович Ирзабеков раскрыл настоящие сокровища «великого и могучего», мимо которых многие из нас проходят безразлично. О том, почему важно хранить чистоту языка, какую роль язык играет сегодня, почему люди должны ему служить, **Василий Давидович Ирзабеков** рассказывает сайту «Православие.Ru».*

***

– Василий Давидович, сегодня русский язык такой же великий и могучий, как он был раньше?

– Конечно, он всегда был и есть такой. С годами к человеку приходит понимание, что с языком на самом деле ничего не происходит. Все изменения происходят с нами, носителями языка. Язык - это такое сакральное зеркало, в котором в каждый момент истории отражаются вся нация и каждый из нас. Еще язык - это имя Бога, как мы читаем в Евангелии: «В начале было Слово», то есть Христос.

Я сам год от года милостью Божией меняюсь. И если раньше, заканчивая лекцию, обращался к своим слушателям независимо от того, какая это была аудитория - школьники, студенты, заключенные, больные, - с призывом защищать и беречь язык, спасать его, то с годами понимаешь, что это он, язык, нас спасает и оберегает. А еще сохраняет нацию и веру. А мы должны служить языку.

– Каким образом?

– Не предавать его. Блюсти чистоту собственной души, а через это чистоту языка. Потому что на том суде, который ожидает всех - и верующих, и неверующих, речь будет идти о сохранности души. И оказывается, что ее чистота неразрывно связана с чистотой языка. И когда в нас звучит чистый язык - это отражение нашей души. Словарный запас отдельно взятого человека тоже замечательный показатель личности человека. Словарный запас А.С. Пушкина составляет 313 тысяч слов, а у М.Ю. Лермонтова - 326 тысяч слов!

– Но мы ведь не знаем, какой словарный запас был у святых, многие из которых были молчаливками. Но они же тоже личности с большой буквы!

– Я тоже задавал себе этот вопрос. Увы, мы часто воспринимаем язык как устную речь. Если святые не произносили слов, то это не значит, что у них внутри не звучала речь. А молитвы? Просто мы не слышим эту речь. Разве глухонемые люди не являются носителями языка?

В силу того, что я принял веру в зрелом возрасте, я часто обращаю внимание на такие вещи, которые другим кажутся привычными. Можно слышать, а можно расслышать. В одной из молитв, обращенных к Богородице, есть такие слова: «Яко Начальника тишины родила еси». Когда я впервые расслышал это, то остановился пораженный. В начале Евангелия от Иоанна Бог именуется «Словом», а тут - «Начальником тишины». Как это состыковывается? Так вот, святые приготавливают себя к этой Божественной тишине. Просто мы, убогие, часто воспринимаем тишину - даже есть выражение «зловещая тишина» - как смятение, если вдруг на какое-то время перестает звучать телевизор или радио. Точно так же, как моряки боятся на море штиля, потому что он бывает перед грозой. А природа такого восприятия в том, что у нас нет внутренней культуры постоянного рассмотрения сердца, нет вот этого внутреннего непрерывного диалога с Богом. Безмолвие - это божественная тишина. Вот этот феномен, когда человек постоян-

но с Богом. Но мы утрачиваем это состояние, отсюда и появляются такие речевые обороты, как «я не в духе». А почему ты не в духе? Да вот с утра по телефону поговорил, а чай остыл за это время, а потом вода в душе не такая была... Бред! Для святых быть в духе - это нормальное состояние. А мы швыряемся такими словами и девальвируем высокие понятия.

– **Как язык определяет менталитет отдельного человека и нации?**

– Я подниму этот вопрос выше: язык не только определяет менталитет нации, в нем заложен код этой нации, ее «путевка». Простите за грубую, но доходчивую аналогию. Водителю выписывают путевой лист, но он может поехать халтурить «налево». В языке заложен вектор развития народа. Русский язык в этом плане совершенно удивителен. Безбожных языков нет, но в мире полно безбожных людей, которые могут быть даже лауреатами Нобелевской премии, выдающимися писателями, абсолютно при этом не осознавая, что этот талант им дал Бог. Святые говорят, что талант - это поручение от Бога.

К примеру, я считаю М. Горького талантливым писателем, а мне возражают, что у него вот такие произведения. Мой ответ: и такие, и иные, не вы будете отвечать за них, а он. Каждый язык дан Богом. Вот есть племена, у которых язык состоит из 400 слов. С нашей точки зрения, это убожество, а для них «выше крыши», потому что там есть все, что необходимо для их жизни. Но поразительно не это, а то, что даже в таком скудном языке есть понятие Бога.

Мой родной азербайджанский язык соткан из Ветхого завета, а русский язык - из Нового Завета. И вот главный вопрос отсюда, оправдает ли нация тот вектор, который ей определен? Мы понимаем, что русские сегодня - это суперэтнос. Но если понятие «русский» замыкается только как биологическое, то это тупиковый путь. О чем тогда говорить? Почему первый и самый лучший толковый словарь живого великорусского языка был создан Владимиром Ивановичем Далем, у которого не было ни капли русской крови? Не случайно «русский» - единственное название национальности в нашем языке, отвечающее на вопрос «какой?», все остальные отвечают на вопрос «кто?».

– **Что за процесс происходит, когда носители языка перестают его уважать, начинают его засорять?**

– Это всегда неизбежно связано с искажением души народа. Посмотрите, кто так разговаривает! Для меня, как и для многих людей, символом русского интеллигента в чеховском понимании является Дмитрий Сергеевич Лихачев. А.П. Чехов написал, что интеллигентному человеку бывает стыдно даже перед собакой. Вы можете представить Лихачева матерящимся? А он, между прочим, в Соловках сидел. Вот ушел этот человек, и образовалась пустота.

Мне много пишут. Одна женщина написала про свою соседку, которая полжизни просидела в лагерях, но никогда не ругалась матом. Для нее удержаться от сквернословия, сохранить чистым язык было способом не опуститься, сберечь душу. Всегда важен прецедент: один раз - и покатишься.

Я не случайно привел в пример Лихачева. Вот Толстой Лев Николаевич, которого очень люблю и жалею. Не мое дело предавать его анафеме. Он сам отделил себя от Церкви, а не она его от себя. У него есть разные произведения: и «Крейцера соната», и «Война и мир», и «Севастопольские рассказы». Писатель - это зеркало. Толстому поклонялись миллионы русских людей. К.П. Победоносцев в письме С.А. Рачинскому писал, что вся интеллигенция поклоняется Толстому. Не Христу! Как в такой ситуации могла не случиться революция, когда вся нация поклонялась не Христу с его 2000-летней историей на Земле, когда была нарушена заповедь «не сотвори себе кумира»? Поэтому когда Ленин говорил, что «Толстой - зеркало русской революции», то он не просто имел в виду, что он ее предтеча, сделал все, чтобы она случилась. Вот какую силу имеет слово. Чуть-чуть скажи Толстой по-другому, и вектор изменился бы. Вот почему такая большая ответственность лежит на писателях.

Горький в юности очень хотел с Толстым встретиться. Он приехал в Ясную поляну. И вот встреча Горького, который хоть и вышел из низов общества, но всегда преклонялся перед культурой, и графа Толстого. Горькому после нескольких минут этой встречи захотелось убежать, потому что Толстой ругался матом. Рассказывал грязные, похабные анекдоты. Горький, которого этим было не удивить, пишет, что был глубоко оскорблен тем, что Толстой думал, что он не знает другого языка. Вот еще одна интересная функция языка: **как я к тебе отношусь, так я с тобой и разговариваю.**

Мне много пришлось общаться с богемой. Среди людей искусства, конечно, есть воцерковленные люди, но их все же мало. Когда я в молодости только начинал трудиться, первой моей работой была должность помощника режиссера на телевидении. Я был шокирован, что люди

искусства разговаривают, как граф Толстой говорил с Горьким. Потому что вся интеллигенция поклоняется Толстому.

– **До сих пор?**

– Надо понять период, когда закладывалась нынешняя интеллигенция - еще во времена Толстого. И такое поведение считалось хорошей манерой.

Речь человека - это показатель его истинной культуры. Сегодня утрачен первоначальный смысл слова «культура», а это все-таки миссия. Поэтому когда человек приходит в православный храм, то самую высокую культуру он видит там, потому что там самая высокая миссия.

– **Почему раньше носителем языка были книги, и советские люди считались самыми читающими в мире, а сегодня носителем языка является телевизор, откуда ругаются матом?**

– Раньше был «железный занавес», который, по сути, был санитарным кордоном. Какие-то вещи не проникали в страну, но и зараза не проникала. А зараза она и есть зараза: есть духовная, есть микробная. Сегодня люди уже боятся селиться в дома, где живут выходцы из Средней Азии, потому что отмечены случаи полиомиелита.

Я не могу согласиться с той небольшой частью православных людей, которые предают телевидение анафеме. Если мы предаем телевидение анафеме, то уподобляемся пензенским затворникам, которые «спасались» под землей. Давайте представим, что какая-то часть православных перестанет смотреть телевизор. Какая это часть? Ничтожная. Я православный, но я смотрю телевизор, и работа моя связана с телевидением. То, что люди во всем мире перестали читать, надо принять как факт. Это данность. И есть понятие картинки, которая востребована. В одиночку не спасаются, поэтому есть только один выход - исправлять телевидение. Телевизор должен стать миссионером и катехизатором. И если несколько лет назад это могло быть только благими пожеланиями, то сегодня уже есть несколько подобных телеканалов. Вот уже год лично я сотрудничаю с телеканалом «Радость моя», где вышел цикл моих телепередач. Канал вещает 24 часа в сутки, названием взяты слова преподобного Серафима Саровского. Канал существует уже три года, намеренно не называя себя православным, чтобы быть «ловцом человеков». Зайдите к ним на сайт и увидите такой информационный поток! У них большая география и широкая аудитория. Вот пример хорошего телеканала. А есть еще телеканалы «Союз», «Спас». И работать на таком телеканале очень трудно, потому что есть соревновательность между коммерческими каналами, и надо держать планку.

– **Слову сегодня очень тяжело конкурировать с картинкой?**

– Картинка сегодня занимает очень важное место в нашей жизни. Детский психолог рассказывала мне поразительную историю про один эксперимент. Маленьким детям, нашим, не за границей, предложили на выбор смотреть сказку или мультфильмы без звука или же, наоборот, слушать их без изображения. Догадываетесь, какой был результат? Большинство детей потребовало картинку. Секрет прост: когда мы слышим незнакомый текст, у нас начинает усиленно работать воображение. Это труд, к которому мы привыкли и не замечаем. А мозг нынешних детей не хочет трудиться. Я уже не говорю про клиповое мышление.

Я специально смотрю эти «поганые» фильмы, потому что встречаюсь с невоцерковленными школьниками и студентами - той аудиторией, куда не каждый любит ходить: это все равно что в клетку с тиграми зайти, но это наши «тигры». Они тебя пробуют на зубок, но к ним не надо спускаться, как Заратустра, с высоких гор. Или как Г. Флобер, считавший, что писатель должен жить в башне из слоновой кости. Если так, то тебя не примут, и никакого диалога не получится. Я должен понимать, чем они живут, что считают искусством.

– **Каково с молодежью общаться?**

– Радостно. Они со мной говорят на другом языке и сами потом это чувствуют. Моя задача - показать им самих себя. В жизни бывают добрые слова, которые никогда не забываешь. Такими для меня были слова знакомого, который вместе с сыном работает на оптовом книжном складе. Он благодарил меня за мою книгу «Тайна русского слова» и рассказал, как она «работает». Его сын, которому года 22, увидел у него эту книгу и попросил почитать. Через какое-то время знакомый услышал, как сын одергивает своих товарищей, которые сквернословили, объяснив им, что такое мат.

– **Почему так получается, что слова начинают терять свой смысл?**

– Я разверну этот вопрос на 180 градусов. Как я это услышал? Почему это случилось? Потому что я в храм пришел. Вот этот русский язык, о котором я говорю в своих передачах, как Евангелие - я услышал в храме. И был поражен. Я услышал другие смыслы, подлинные смыс-

лы. Не сразу это случилось: надо было научиться ходить в храм, стать из захожанина прихожанином. Я стал замечать такие вещи, которые замечают, как оказалось, не все.

Для меня важна еще одна сторона этого вопроса. Я долго недоумевал, что такое имя? Еще я был поражен тем, что Бог называет Адама. Кстати, по-азербайджански слово «Адам» значит «человек». Как пишет Иоанн Златоуст, Адам - это производное от Эдема, сада, земли. Чтобы он помнил, что из земли, и не возгордился. Поразило меня, что Бог, Который все создал, не назвал животных. Называл Адам по его повелению. Как пишет в своем трактате отец Павел Флоренский, дача имени - это символ власти. Родители дают имя ребенку, и очевидно, что они властвуют над ним. И Господь возжелал, чтобы человек все полюбил, а это возможно только будучи хозяином всего. Это, выражаясь современным языком, очень «экологичное» решение. Вот страстотерпец Николай II в своей анкете в графе «Род занятий» написал: «Хозяин земли русской». Просто у нас очень извратилось это понятие, и хозяин - это тот, кто стоит, растопырив ноги и уперев руки в бок. Ничего подобного! Хозяин - это крест. Если я хозяин стада, и началась буря, то не смогу спать спокойно, пока не спасу стадо. Поэтому человек не только наследует землю, но и через наречение имен тварям должен был полюбить ее.

Вы знаете, что в русских богослужебных текстах нет слова «счастье»: ни в одной молитве, ни в тексте еucharистии, ни в акафистах? Часто встречается «радость», а «счастья» нет. А в миру все друг другу желают счастья...

– **А почему все хотят быть счастливыми, а не радостными?**

– Потому что часто не понимаем, что такое счастье. Я тоже опешил: как, Церковь против счастья? Но, как говорил Козьма Прутков, зри в корень. У меня были давние догадки, мы еще об этом много говорили с отцом. Еще в детстве я слышал, что счастье - это «сейчас есть». Почему об этом и в храме не говорят, потому что счастье - это пожелание земного благополучия. А храм - это дом вечности, в котором не уместно говорить о земном.

Отец и мой дед, который окончил царскую гимназию, лучше меня говорили по-русски. Мой язык очень пострадал из-за того, что я много лет учил русскому языку иностранных студентов. Вы не представляете, какое это понижение речи!

– **Как иностранцы меняются, когда начинают учить русский язык?**

– Они становятся русскими, у них нередко появляются русские жены. Они возвращаются, скажем, к себе в Нигерию и говорят, что они там русские, им там борща не хватает. Вы посмотрите на евреев, которые уехали в Израиль. Они жалуются, что, пока жили в Советском Союзе, к ним относились как к евреям; когда эмигрировали, то стали для «своих» русскими. Вообще это отдельная большая тема. Но очень интересно быть русским. Вы посмотрите на генеалогию Толстого, Пушкина, Лермонтова. Шотландцы называют последнего Лермонт, а в Аддис-Абебе стоит памятник Пушкину как «великому африканскому поэту».

– **А чем для нас чревата тенденция следования западной моде называть человека просто по имени, а не так, как у нас принято – по имени-отчеству?**

– Меня это очень заботит. У нас никогда так не называли раньше людей. Это духовное холуйство - под копирку. А копия - это всегда копия. Вот я приведу в пример атаманов. Есть Пугачев, есть Разин, а есть Ермак. Обратите внимание: первый либо просто Пугачев, либо Емельян, либо Емелька; Разин - это Стенька. Единственный, которого народ называет по имени-отчеству - это Ермак Тимофеевич. Отчество связывает человека с отчеством. Кто из них любил отчество по настоящему? Народное самосознание четко определило, кто пекся, прирастив его Сибирью, а кто хотел растащить его. Здесь что-то на мистическом уровне.

Когда говоришь о языке, то замечаешь много сакральных вещей. Отчество - это привилегия. Это было очень хорошо заметно в сословной России. Как называли крепостных? Ванька, Парашка, Машка, а не Маша и Ваня. Мне так обидно, что в современной России люди называют друг друга, как крепостных: Димон, Вован и т.д. Огрубление этих имен похоже на лагерный жаргон, который романтизируют. А если ты хочешь привить порок, то для этого его нужно именно романтизировать.

Все, что приходит к нам с Запада, - это возвращение наших явлений. Кто был родоначальником хиппи? Горький, который так талантливо романтизировал босячество. И сексуальную революцию придумал не Запад, а член советского правительства Александра Коллонтай, которая говорила, что половые чувства так же естественны, как желание пить и есть. Нынешняя молодежь, к сожалению, не знает этого, потому что кругозор ее очень сузился.

Что удивительного в России? Она приводит в движение весь мир, питает его своими соками.

С Василием Ирзабековым беседовал Игорь Зыбин. 25 июня 2010 года

Семь нот, или Симфония жизни.

ДО Первый взДох заявившей о себе новой жизни. Дерзкий вызов грядущей ДОроге, Долгому пути из мгновений, часов, дней, недель, месяцев, лет, торопящихся вДОгонку друг за другом в воДвороте событий. ЗаДорный возглас в предвкушении вДОхновляющего странствия в разДОлье звуков и запахов, красок и вкусов, спорных ДОгадок и непреложных истин, в мир будОражащих сердце слов и чувств, в юДОль извечного противостояния ДОбра и зла, оспаривающих самую ДОрогую для них ДОбычу - человеческую душу. Душу, исполненную Достоинств и неДОстатков, душу, где меряются силами ДОлг и пренебрежение, смирение и горДОсть, раДОсть и ДОсада, ДОблесть и трусость, ДОверие и измена, любовь и ненависть. Посланный свыше ДОждь смывает взДорные границы между чувствами, ДОтошно стучит по клавишам души, и ее черно-белое безДОрожье, ДОсыта напоенное неДОсягаемой прежде житейской мудростью, превращается в стезю к уготованной ДОле.

РЕ РЕкой вешней, РЕзвым паводком, стрЕМниной с пенным гРЕбнем набекРЕНь, прЕзревшей обРЕменяющие ее беРЕга прЕдрассудков и запРЕтов, вдрЕбезги разбивая депРЕссию обыденности и безвРЕменя, вторгаются в дрЕМлющую, лишь гРЕзющую пеРЕменами душу воскрЕшающие ее чувства. РЕгата чувств, прЕображающих ее фРЕгатов вдохновения, мятежными парусами РЕбячливо тРЕвожащих воздух. Они то верЕНИцей, то напеРЕбой, напеРЕгонки сменяя друг друга, спешат по смущенной тРЕволнениями акваРЕли внутРеннего мира навстрЕчу забРЕзжившему впеРЕди счастьем бытия. Об этом красноРЕчивым РЕфРЕном уже поет бурЕвестник-душа.

МИ МИг - аккорд, жизнь - гамма. МИриады МИмолетных мгновений МИроздания - ее нотный стан, где каждый знак - воспоМИнание, горькой МИкстурой потчующее или теплый кашеМИр укутывающее душу, МИшень бескомпроМИссной памяти. Наш МИр - МИкс аккордов мажорных и МИнорных, плюсов и МИнусов, оптиМИзма и пессиМИзма, антогонистов, сосуществующих в извечной полеМИке друг с другом. Выбор доМИнанты, уМИротворившей бы душу, за каждым из нас.

ФА ФанФАры грянули. АрФА-скромность уступила место мажорному маршу. Бравурные трубы - его ФАвориты. Медь их ФАкелом путеводным кличет из ФАльши клише и масок, из примерочной навязанных ФАсонов жизни, от бездушных ФАсадов обывателей, от ФАнатов плотских благ в иной мир. В мир преображающей чуткую ФАрфоровую душу Фантазии. Дерзкий возглас ФанФАр укажет верный туда ФАрватер.

СОЛЬ СОЛЬный номер. Первая скрипка. Главная партия. Его исполнители - СОЛЬ земли, душа хлебоСОЛЬного народа, талантливые мастера СОЛЬфеджио бытия, придающие ему смысл и остроту. Они воплотили в жизнь вечное и доброе. Претворением их любви к человеку стали нетленные образы СОЛЬвейг и АсСОЛЬ - символы незыблемой верности и веры в созидающее наши души чудо.

ЛЯ ЛЯ - нота-праздник, нота-разгуЛЯй, задорная пЛЯсунья, умершвЛЯющая праздную скуку, гусЛЯр, лиричным мотивом веселЯщий сердце. ВоЛЯ душе. Воспламеняется взгЛЯд, вдохновЛЯются мысли, воспрывшие вдруг мечты выписывают вензелЯ, щегоЛЯя дерзкой кЛЯтвой тотчас осуществиться.

СИ СИла духа в финальном звуке. ГолоСИстый возглас: «БрависСИмо». Занавес разногोलосИЯ гаммы. Последний штрих импресСИонистической живописИ нотного стана - полотна нашей жизни. Прощальная экскурСИЯ в роСИстую лекСИку звуков и чувств. Эпилог летописИ из СИнтеза макСИм - месСИи души человеческой.

Ирина Бабич. 2013 год.

Письма читателей

30.10.2014 Тамара, благодарю Вас за подарок и понесенные труды. Крепости сил Вам телесных и душевных на многие и благие лета. С любовью во Христе,
прот. Василий. (Мазур).

31-10-2014 Уважаемая Тамара! От лица нашего Литобъединения "Стражи весны", поздравляю Ваше детище - журнал "Жемчужина" с этим юбилеем. Счастья, здоровья и терпения в нелёгком деле! У нас с Вашим журналом одни юбилейные даты: 15 лет назад и я был впервые опубликован, и впервые пришёл в Горловское ЛитО "Забой".

Иван Нечипорук. (Донецк).

31-10-2014 Дорогая Тамара! Поздравляю вас с 15-летием "Жемчужины". Как принято у нас в Израиле, мои пожелания: "до 120 лет!" Удачи вам и журналу, много новых номеров. большого круга читателей и благополучия... **Ефим Гаммер. Иерусалим.**

31-10-2014 Здравствуйте, Тамара! Большое спасибо за журнал и публикацию. Поздравляю Вас с юбилеем "Жемчужины". 15 лет - серьёзная дата.

С уважением, **Александр Смирнов.**

31-10-2014 Дорогая Тамара! Очень рада новой "Жемчужине". До встречи в Скайпе. С уважением,
Ирина Арапова. Россия.

1-11-2014 Сердечно благодарю и от всей души поздравляю! Ваш **Василий Д. Ирзабеков. Россия.**

1-11-2014 Здравствуйте, Тамара! Спасибо за рассылку. Поздравляю с 15-ой годовщиной журнала. Предлагаю Вашему вниманию рассказы... Всего Вам наилучшего! С уважением **С. Криворотов, Россия.**

1-11-2014 Дорогая Тамара, Огромное спасибо за новый номер "Жемчужины"! Очень приятно найти там стихи нашего Блаженнейшего Митрополита Владимира и других интересных авторов! СБогом! Оля Цвиркун. Киев.

1-11-2014 Здравствуйте, Тамара! Примите мои искренние поздравления с 15-летием «Жемчужины», журнала веры, чести и традиций возвышенного и правдивого русского слова. Хочу пожелать «Жемчужине» и её главному Ювелиру долголетия и неизменного умножения красоты и сияния. Вспоминаю, как любили жемчуга Царица Александра Федоровна и Царевны, почти на всех портретах можно заметить жемчужины, как неременный атрибут Царского одеяния. Прекрасный у Вас вкус. Всего Вам самого доброго и счастливого!

Тамара, благодарю Вас за публикацию. **Владимир Невярович. Россия.**

11/ 2014 Тамара, добрый день. Хотел бы, чтобы вы рассказали немного для «Единения» о вашем журнале в связи с 15-летием - немного истории и как подбираются материалы сейчас. Хорошо бы также вспомнить тех австралийских писателей-поэтов, которых вы публиковали за эти годы - не всех, для примера, человек 5-6. Я бы хотел позвонить поговорить минут 15? Если вы не против, скажите когда вам удобно и напомним телефон.

Воляда (Кузьмин). Ред. газ. «Единение». Сидней.

15 лет журналу - юбилей!
Для прозы и стихов - приют особый:
За сотни километров и морей
"Жемчужина" выходит высшей пробы!

Растёт и развивается журнал,
На континенте - контингент особый:
Писатели, поэты разных стран,
Стихи, рассказы тоже чистой пробы:

В Австралии они оставят след.
Дiasпоре - у нас презент особый:
Спасибо вам - уже 15 лет "
Жемчужина" выходит высшей пробы!

Горловка, Донбасс. **Оксана Егорцева.**

Письма читателей

3-11-2014 Дорогая Тамара! Большое спасибо! «Жемчужина» для меня радость. Если бы не события почти вековой давности в России, у нас мог бы сохраниться такой чистый и красивый русский язык, каким владеете Вы, Тамара!.. Россия перешла на зимнее время. Теперь разница с Австралией 7 часов. Раньше темнеет, зато утром легче вставать. Всего Вам самого доброго!

С уважением, Ирина Арапова, Воронеж.

4-11-2014 Здравствуйте, Тамара! Поздравляю Вас и коллектив редакции с пятидесятилетием журнала "Жемчужина". Желаю дальнейших творческих успехов и новых литературных находок. Счастья Вам и любви, А. Стешенко. (Проза.ру)

5-11-2014 Здравствуйте, дорогая Тамара Николаевна! Поздравляю Вас с 15-летием «Жемчужины» и с праздником иконы Казанской Божией Матери (как у нас в РФ сейчас называют, «Днем народного единства»). Желаю Вам и Вашим близким здоровья, семейного благополучия, успехов в начинаниях и, конечно, продолжения Вашей замечательной «Жемчужины». Спасибо за 60-й её номер! Ваш В.А. Шулдяков. Россия.

18-11-2014 Спасибо за журнал. Поздравляю с 15-тилетней годовщиной Жемчужины. Это солидный срок. К. Супрунович, Мельбурн.

6-12-2014 Здравствуйте Тамара! 60-й - юбилейный номер Жемчужины - просто прекрасен, проза и стихи - превосходны! Среди столькох добрых отзывов по случаю юбилея, а я уверен что было ещё больше, увидел и свой; я был рад, и пользуясь случаем - благодарю Вас за оказанную мне честь. Вновь порадовал читателей прот. Василий Мазур своей работой - «Словно в сказке». Спасибо за то, что не забываете классиков, за Блока, читал с превеликим удовольствием. Рассказ «В Гостию» С.И. Гусева-Оренбургского прочитал несколько раз, и жду по возможности продолжения, если Вы и читатели не будете против. Хорошо, что в журнале публикуется и познавательная информация, и рассказы для детей - «Тузик и его друзья». Вспоминаю, как сын в детстве просил перед сном прочитать добрый рассказ, - думаю, что родители, у кого есть маленькие дети, с удовольствием почитают такие рассказы им перед сном. А писать для детей - гораздо сложнее чем для взрослых; у Вас это получается, - может быть, со временем выпустите книгу с рассказами для детей? Прочитал Вашу работу - басню «Заморская свинья». Как сказали бы в Одессе - шикарная басня. В России на вступительных экзаменах в театральные училища предъявляют повышенные требования к абитуриентам при прочтении басни. Басня не только должна звучать, она ещё должна быть наполнена отношением автора через героев басни к происходящему - его гражданской позицией. «Заморская свинья» - просто наше время, и Россия, а окончание басни просто великолепно. Гнать бы вот прямо сегодня надо туенядцев от экономики из государственных учреждений, допустивших экономический кризис в России; вот бы в России опубликовать Вашу работу...

С уважением, Евгений Кульба. Россия.

25-11-2014 Дорогая Тамара! С юбилеем журнала "Жемчужина" я уже поздравлял, но хотелось сделать что-нибудь посущественнее, и вот вышел очередной номер "Приамурского казачьего вестника", где заметка об этом. Удачи вам и всего самого доброго! Владимир Иванов-Ардашев. Россия.

26-12-2014 Здравствуйте, уважаемая Тамара Николаевна! От всей души поздравляю Вас с наступающим Новым годом! Крепкого Вам здоровья, хорошего настроения и новых больших жизненных и творческих удач и побед! С глубоким почтением, Владимир Колабухин. Ярославль.

Письма читателей

Янв. 2015 г. Прочитала ваш материал, уважаемая Тамара, со слезами на глазах. Я была в Австралии и разговаривала со стюардессой, родители которой жили в Китае, а потом во время культурной революции уехали в Австралию. Она выросла в Брисбене. Её рассказы тронули меня до глубины души. И потому меня очень тронули стихи И.М. Смолянинова, в них передана горечь утраты родины. Как замечательно, что вы издаёте русский журнал! Я знаю, как это сложно, потому что сама являюсь членом редколлегии альманаха "Муза". Меня просто пленила Австралия - жизнь там под другим небом, там всё по-другому, по-доброму. Пошлю одно стихотворение, написанное там:

У Кораллового моря
счастьем воздух переполнен –
риффы, рыбы у кормы,
бьют нефритовые волны
блеском брызжущей каймы.

В этом солнечном просторе
ветры дуют с высоты.
У Кораллового моря
тайны вечной красоты.

17.X.2007 - Плавание на Зелёный остров Большого Барьерного рифа Австралия

С глубоким уважением, восхищением перед "трудовым подвигом" по изданию русского журнала "Жемчужина" - писатель, поэт **Фаустова Эльмара**. (сайт - Проза.ру).

Вечное движение

Облака тяжело нависают над городом, предвещая снег. Пушистые медвежьих лапы облаков обнимают солнце, и закат расцветивает их оранжевым, красным и фиолетовым.

Грандиозное небо затапливает улицы своей холодной торжественностью, и даже равно-мерный шум машин становится тише, перемещаясь на самую границу восприятия, словно бы поглощённый закатом.

По улице текут потоки транспорта, ещё не схваченные морозом, стремясь успеть каждый к своей цели, пересекаясь, смыкаясь и расходясь, и дым из выхлопных труб клубится в холодном воздухе жалким подобием облаков в небе...

Так и нити судеб миллионов людей внутри, на миг соприкасаются, чтобы тут же разойтись навсегда, на перекрёстках под равнодушным взглядом светофоров, на длинных улицах и в узких переулках.

Город. Закат. Конец ноября.

Александр Смирнов. Ярославль.
13.11.2014

Дорогой, сходи в магазин.

- Но, милая, сейчас такой мороз, что собаку не выгонишь на улицу.

- Ну, иди без собаки...

Странник во времени

Не спеша из века в век
переходит человек,
где найдёт, где потеряет
он и сам порой не знает...

Замирает время, льётся
и то плачет, то смеётся,
и Земля плывя во Млечном
его кружит бесконечно.

Прошлых, будущих событий
груз несёт: надежд, открытий,
расставаний, встреч, утрат,
первых и последних дат.

От рассвета до заката
реку жизни без возврата
переходит человек,
не спеша из века в век.

Евгений Кульба. Россия.

БУНИН О ЕСЕНИНЕ

С таким разносом имя Есенина давно не соотносилось. Впервые в «Литературной газете» был опубликован очерк Ивана Алексеевича Бунина «Инония и Китеж», написанный за 65 лет до того. В очерке Есенин последовательно именуется «рожей», «плутом», «свиньей, посаженной за стол», «кривоногим и раскосым Иваном», «холопом», которому приказывают: «Поди-ка ты лучше проспись и не дыши на меня своею мессианскою самогонкой!»...

Не отнесешь, увы, этот очерк к архивным курьезам, а разнос не сочтешь бородастым анекдотом. Еще в суровые сороковые годы к раздававшемуся из Франции голосу Бунина прислушались у нас на Родине. Так, в литературной среде и даже в правительственных кругах, по свидетельству очевидцев, внимательно ознакомились с восторженным отзывом старца о книге Твардовского «Василий Теркин». А уж сейчас голос великого писателя начинает звучать во всю мощь, и в стране не счесть его самых ревностных поклонников.

Многим импонирует беспощадная, страшная правда созданных Буниным художественных произведений, ореол неподкупности над самой его личностью - в наш трудный век это не слишком распространенные качества. Так что вовсе не легкая, а наоборот, грозная тень от очерка ложится на Есенина. А при нынешнем расшатывании авторитетов, разгуле самого залихватского нигилизма такая тень многих может смутить. И комментировать публикацию в «Литературной газете» хотелось бы прямо и по существу.

Очерк «Инония и Китеж» - своего рода гимн личности и творчеству Алексея Константиновича Толстого. Щедро одарив его самыми лестными похвалами, Бунин, как бы для контраста, спрашивает: «Что есть у какого-нибудь Есенина, Ивана Непомнящего? Только дикарская страсть к хвастовству да умение плевать».

А давайте, не принимая брани на веру, посмотрим - что же у Есенина на самом деле есть?

И открываются поразительные факты. Ведь Есенин с творчеством А.К. Толстого близко соприкасался. Возьмем процитированное в очерке стихотворение Толстого:

Край ты мой, родимый край,
Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле!

Гой ты, родина моя!
Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья,
Ветер, степь да тучи!

Казалось бы, настоящее произведение искусства! Но вот что делает с той же темой Есенин:

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.

Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле.
С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли.

По меже, на переметке
Резеда и риза кашки.
И вызванивают в четки
Ивы - кроткие монашки.

Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.

Простите меня, поклонники Бунина, но при близком сопоставлении именно стихотворение Толстого уходит в тень - ведь в нем не что иное, как сухое, академичное перечисление природных подробностей. И так кажется - именно в сравнении с есенинской раскованностью, образностью, лирической распаханностью. Есенин - конечно смелее, дерзче. Но, может быть, тема взята поэтом у предшественника совершенно случайно? Чтобы убедиться, что это не так, остановимся на еще более удивительном факте. Вот стихотворение Афанасия Фета:

Печальная береза
У моего окна,
И прихоть мороза
Разубрана она.

Как гроздь винограда,
Ветвей концы висят, -
И радостен для взгляда
Весь траурный наряд.

Люблю игру денницы
Я замечать на ней,
И жаль мне, если птицы
Стряхнут красу ветвей.

А теперь послушаем стихотворение Сергея Есенина:

Белая береза	И стоит береза
Под моим окном	В сонной тишине,
Принакрылась снегом,	И горят снежинки
Точно серебром.	В золотом огне.
На пушистых ветках	А заря, лениво
Снежною каймой	Обходя кругом,
Распустились кисти	Обсыпает ветки
Белой бахромой.	Новым серебром.

Как видим - заимствованы не только тема, но уже и подробности! И это, согласитесь, выглядит просто как дерзкий вызов: Есенин... словно бы переводит Фета (!) на современный литературный язык. Переводит - стараясь улучшить, там, где Фет описывает происходящее, Есенин, с помощью смелых образов, это происходящее изображает.

Повторяю - иначе, как дерзостью, это не назовешь! Шекспир в свое время заимствовал многое для своих пьес, но - у авторов малоизвестных. Есенин же подобным образом обращается с классиками русской литературы! А ведь было Есенину, когда писались эти стихотворения, всего 18-19 лет. Совсем юноша! Еще далеко до шедевров «Москвы кабацкой», до «Персидских мотивов», до «Анны Снегиной» Да, далеко. Но Есенин уже свободно прогуливался по прошлому золотому веку русской литературы, стараясь искать поединка с лучшими трубадурами и побеждая их в мастерстве. Потом, опять же потом, через много лет еще один литературный гигант - Эрнест Хэмингуэй - станет советовать всем начинающим беллетристам действовать так же, как Есенин: «Для серьезного автора единственными соперниками являются те писатели прошлого, которых он признает».

И еще один важный момент. А.К. Толстой, Фет, Блок, многие другие, с чьим творчеством так близко и как бы с вызовом соприкасались стихотворения Есенина, - все эти поэты - представители культуры дворянской. Той самой, что выпестовала и Бунина. И от всех от них в своем творчестве крестьянский парень ушел далеко вперед. Сергей Александрович знал себе цену! И в конце жизни Есенина только один и оставался поэт, перед которым он преклонял голову. Поэт этот - Александр Пушкин. Есенин писал:

А я стою, как пред причастьем,	Я умер бы сейчас от счастья,
И говорю в ответ тебе:	Сподобленный такой судьбе.

И тем не менее - факт есть факт: в очерке Бунина «Инония и Китеж» устраивается до неприличия грубый разнос великому Есенину. Что ж, в биографии Бунина есть и другие знаменательные подробности. Он публично высказывал желание переписать некоторые романы Льва Толстого, Достоевского. Публично (как, впрочем, и сам Лев Толстой отзывался о Шекспире как о пошлом, глупом, ничтожном писателишке). Причем высказывался Бунин в тех статьях и интервью, которые у нас опубликованы.

Но даже и убийственный яд этих вещей надо нам воспринимать разумно. Разногласия великих писателей сводить к кухонной или политической сваре едва ли целесообразно. Между тем Бунин, избегавший во всех своих зрелых произведениях политики, сейчас искусственно притягивается к ней некоторыми из современных «властителей дум».

Мы только в последние годы начинаем по-настоящему, глубоко изучать национальную литературу, скрытую прежде от нас железным политическим занавесом. И, соответственно, еще и еще раз сталкиваемся с удивляющей весь мир широтой русской природы, ее удалью, ее парадоксальностью, ее самыми неожиданными противоречиями. И лишь одно остается, и при всех новых подробностях, в ней постоянным: то, что любимый Буниным А.К. Толстой выразил в великолепных стихах:

Коль ругнуть, так сгоряча!
Коль рубнуть, так уж сплеча!

Простим им - ругающимся сгоряча, рубящим сплеча литераторам. А прощать великим, таким, как Бунин, - даже почетно.

Веселая вечеринка

I Старуха Агафья успела уже убрать кухню и вычистить самовары, а Ванюшка-кучер все еще томился, ожидая возвращения барина.

- Скоро одиннадцать, - ворчала Агафья, вытирая толстые, обнаженные по локоть руки и глядя исподлобья на тоскующего парня. - Другой бы - матери помог, коли время вышло, а мой только на вечеринки ходить умеет, да новые сапоги трепать. И в кого такой вышел! Ведь уродит же Господь!

Ванюшка молчал, хотя речь была направлена прямо против него, так как он как раз приходился Агафье родным сыном. Но ему было не до разговоров. Сегодня Танька, горничная земского начальника, устраивает бал. На балу будет только что выслуживший свой срок солдат Марковкин. Он хочет Таньку сватать, это все знают, но Ванюшка давно решил перешибить ему дорогу. Сегодня все выяснится. Отъедет солдат с поломанными ребрами!

Ванюшка мечтательно улыбается, разглядывая новые сапоги. Его белокурые волосы лоснятся от масла; под воротником голубой сатиновой рубашки красуется ярко-розовый муаровый бант, и это сочетание цветов во вкусе мадам Помпадур придает удивительно глупый вид его толстому, безусому и безбровому лицу.

- И куда пойдешь на ночь глядя? - ворчит мать, гремя посудой. - Угощение все равно уж все съедено. Теперь парни, верно, уж драться начали, только даром шею намнут. Раньше двенадцати барин от лесничего не вернется. Пока лошадь уберешь - вот и первый час...

Сын молча вздыхает.

- Чего молчишь-то? Ты вот ленту муаровую у матери выпросил, а ты думал ли, чего эта лента матери стоила? Я ее, может, к причастию надеть и то жалела, на смертное платье берегла. Барышня-покойница дарила, не знала, видно, что ты в ней на вечеринках, как лошадь, ржать будешь...

Снова молчаливый вздох.

- Думаешь, ленту напялил, так за тебя Танька замуж пойдет? Нет, парень! Не нашему носу рябину клевать - это ягода нежная! Марковкин-то почище тебя.

- Еще ничего не известно, - загадочно разинув рот, ухмыльнулся Ванюшка.

- Как неизвестно? - обрадовалась Агафья, что ей, наконец, удалось вызвать сына на приятную беседу. - Все отлично известно. Ничего у тебя нету, и в кучеренках-то тебя держат потому, что мать жалеют. Не век же мне тоже в кухарках быть. Скоро ноги протяну. Без меня дня не останешься...

II Во дворе залаяла собака. Ванюшка вскочил и, закутав горло шарфом, чтоб не слишком поразить хозяина своим стилем Помпадур, пошел убирать лошадь.

Через десять минут, бодро подскрипывая по твердому снежному насту, бежал он к дому земского начальника.

Маленький городок давно уже успокоился. Фонари не горели, так как по календарю полагалась луна, почему-то в этот день на небесное дежурство не явившаяся. В окнах тоже было темно. Светился только верхний этаж городского клуба и трактир с надписью: «Для приезжаю» («щих» не поместилось).

Ванюшка пересек главную улицу и, свернув влево, юркнул в ворота маленького двухэтажного домика, занимаемого земским начальником.

- Ну, куда же теперь? Тут темно, не напороться бы на что... Не то у ней кухня наверху, не то внизу. Никогда не бывавши, тоже не сразу поймешь. Хоть бы вышел кто из парней...

Он повернул вправо и налез на какую-то обледенелую кадку. Прямо - стена. Налево лестница. Входную дверь он, войдя, машинально захлопнул и теперь никак не мог сообразить, с которой стороны он вошел. Медленно, ошупывая ступеньки руками и ногами, влез он во второй этаж. Здесь тоже оказалось темно, и он долго шарил руками, не находя дверей.

- Не! - решил он. - Кухня у ней внизу. Надо было там нащупать, либо выйти и в окошко постучать.

И он, стуча каблуками, боком стал спускаться с лестницы. Он был уже почти в сенях, как вдруг страшный дикий крик, раздавшийся снизу, остановил его.

- Кто здесь! Стой, черт тебя возьми, не то я буду стрелять!..

Ошеломленный Ванюшка замер на одном месте.

Послышалось шуршанье спичечной коробки. Вспыхнул огонек. Мелькнуло испуганное свирепое лицо земского начальника.

- А-а, каналья! Попался! Я тебе покажу! Ты у меня узнаешь, где раки зимуют...

Ванюшка сделал отчаянный прыжок, пытаясь увернуться от могучих рук земского начальника, ловивших его впотымах.

Бац! Бац! Одна рука крепко держит за шиворот голубую рубашу с помпадуровым галстуком, другая, сжавшись в кулак, дважды въехала в Ванюшкину физиономию.

- Нет, голубчик, теперь не уйдешь!

И, продолжая наколачивать своего пленника, спотыкаясь и кряхтя, он поволок его вверх по лестнице.

Ванюшка молча упирался, медленно подвигался вперед и отчаянно брыкался ногами.

III Ступеньки трещали, каблуки звонко щелкали, и спавшей наверху супруге земского начальника почудилось, будто какая-то взбесившаяся лошадь лезет к ней по лестнице. Барыня зажгла свечку и, испуганно крестясь, сидела на кровати. Дверь в спальню с треском распахнулась.

- Машенька! Вот рекомендую! - тяжело отдуваясь, торжествовал земский начальник.

Он поставил Ванюшку перед изумленной барыней, продолжая держать его за шиворот и изредка потряхивая.

- А хорош молодец? Возвращаюсь от лесничего, смотрю - ворота настезь. Подлые девки со своими балами совсем одурели, ни за чем не смотрят. Завтра всех к черту. Поднимаюсь по лестнице - здравствуйте... лезет, голубчик! Я его подстерег, дал немножко спуститься - да цап, за шиворот! У меня не отвертишься.

- Да ты осторожней, Коленька, может быть, у него нож, - плаксиво затянула супруга.

Ванюшка, с перетянутым горлом, молчал, тяжело дыша, и только широко раскрывал рот, как рыба, которую лишили родной стихии.

- Да ведь я... - попробовал было он, но тяжелый кулак, въехав ему под самый глаз, снова отнял у него дар слова.

- Молчать! - заревел земский начальник. - Еще разговаривать! Благодарю Бога, что я полицию не зову. Другой бы сгноил тебя в остроге. Марш отсюда! Чтоб духу твоего не было. И товарищам своим скажи, чтоб дорогу ко мне забыли.

И он снова собственноручно сволок Ванюшку с лестницы, вытурил на улицу и запер ворота на засов.

Оставшись один, Ванюшка пустился бежать без оглядки и только в конце улицы немножко опомнился и огляделся. Пиджак был разорван, из носу лила кровь, лицо горело и ныло. Ванюшка потер нос снегом и захныкал:

- И чего он взбесился, черт окаянный! Что человек не в ту дверь попал, так его по морде лупить? Нет, это, брат, тоже не показано! За это, брат, тоже ответить можно. Закона такого нету, чтоб народ зря калечить.

Но, вспомнив, что все равно теперь на вечеринку не попадешь, - ворота заперты, да и в таком виде куда уж тут, - Ванюшка снова захныкал и, грустно опустив голову, побрел домой.

IV Двери отворила заспанная и сердитая Агафья.

- Что! Готово! Воротился! У него мать помирает, а он по балам, как лошадь, ржет. У матери поясницу ломит, а ему хоть бы что! Другой бы хоть колбасы кусок с гостей-то принес бы. Нате, мол, вам, мамаша, покушайте. Отец-то, покойник, бывало... - Она зажгла лампочку и, взглянув сыну в лицо, даже присела от изумления.

- Батюшки светы! Родители вы мои долгоногие! Да кто же это тебя так? Тут уж, видно, не один, тут трое либо четверо работало! Эко тебя качает. Ну, и нахлестался! Да скажи хоть слово.

Но Ванюшка молча стянул с себя сапоги и, не раздеваясь, лег в постель.

На другой день он проснулся поздно. В печке трещали дрова, Агафья стучала ножом, а косоротая баба, разносившая по городу булки и сплетни, оживленно что-то рассказывала.

Ванюшка, не вставая, стал прислушиваться.

- Они, видишь, девки-то, как пошли на вечерину, ворота-то, стало быть, и не заперли. Под вечерину-то у Картонихи комнату нанимали, земский-то в доме и не позволил.

- Ч-черт! - чуть не вскрикнул Ванюшка.

- Ну, стало быть, разбойнику-то это и на руку. Он наверх-то пролез, все до чистика оборал, только, значит, барыню собрался резать, а сам-то тут как тут!

«Ишь ты, - думает Ванюшка. - Это, видно, уж после меня кто-нибудь залез!»

- Господи помилуй! - шепчет Агафья. - И какой ноне отчаянный народ пошел!
- Ну, земский его колошматил, колошматил, однако тот вырвался и убежал.
- Уж верно, их где-нибудь целая шайка, спрятавшись, была. Один не пойдет, - додумалась

Агафья.

- Земский Егорку кучера и Таньку обоих вон выгнал. Ну, да ей что! Ее вчера за солдата Марковкина просватали...

Со стороны кровати послышался тихий вой.

- Это что же? - удивилась торговка.

- Ванюшка с перепою, - хладнокровно ответила Агафья.

- Разве уж так напился?

- И-и! И не видывала никогда таких пьяных. Что ни спросишь, молчит. Покойник муж, бывало, на четвереньках домой придет, а за словом в карман не полезет.

- А ты бы его керосинцем бы помазала.

- Нешто полегчает от керосину-то?

- Еще как! Старуха, Аннушкина мать, что у головихи в няньках, все керосином лечится. Не нахвалится. Как, говорит, натрусь да отхлебну маненько, так меня всю как огнем запалит... прямо терпенья нет. Всякую боль отшибает. Ничего уж тут не почувствуешь. На Рождестве ее головиха чуть вон не выгнала за керосин-то. Потерлась это она (простудившись была) и сидит в кухне на печке. А головиха все ходит да принимает. Вошла в кухню, ну и поняла, в чем дело. Ругалась, ругалась! Вы меня, говорит, подлые, под кнуты подведете, я еще через вас Сибири нанюхаюсь. Упадет, говорит, на старуху спичка - ее как синь-порох взорвет. А я отвечаю. Зверь - головиха-то.

- И как ему всю рожу разделали, - с плохо скрытой материнской гордостью говорит Агафья. - Это уж никто, как солдат. Я сразу солдатovu руку узнала. Губища - во! Прямо до полу свисла. Под глазом си-воподтек!

- Поди, по Таньке-то реветь будет, - не без злорадства вставляет торговка, Агафья иронически фыркает:

- Очень нужно! Важное кушанье Танька-то ваша! Персона! Только и умеет, что господские тарелки лизать. Мой парень захочет жениться, так лучше найдет. Эдакий парень - ягода наливная!

V За дверью, со стороны хозяйских комнат, послышался треск и какое-то глухое рычанье.

- Это у вас что же? - любопытствует торговка.

- Это барин чудит, - спокойно объясняет Агафья. - Верно, вчера у лесничего в карты проигрался. Он всегда так, как проиграется. Потому перед барыней ему стыдно, вот он и оказывает себя.

Рычание приблизилось, сделалось похожим на хриплый лай. Наконец дверь распахнулась, и на пороге показалась озверелая, вскоченная фигура хозяина дома.

- Послать ко мне Ваньку-дармоеда, - залаял он, - я ему покажу, как лошадь без овса оставлять!

Трах - дверь захлопнулась, и вскочившая Агафья лопочет в пустое пространство:

- Ванюшка хворый лежит! Точно так-с! Он за водой ушедши! Точно так-с! Сейчас его кликну.

Ванюшка испуганно натягивает сапоги, не попадая в них ногами.

- Господи! - ахает торговка. - Личико-то! Личико-то! Харю-то евонную посмотри!..

Ванюшка ринулся во двор.

- Ишь, каким козырем, - ворчала вслед ему Агафья. - На мать и не взглянул. Другой бы земляной поклон сделал. Простите, мол, маменька, что вы меня свиньей на свет родили.

Дверь с треском отворилась, и Ванюшка неестественно скоро вбежал в кухню. Он растерянно оглядывался запухшими глазами и растирал рукой затылок.

- Хым! Хым, - хмыкал он, - на старые-то дрожжи! Очень мне нужно твое место. Я местов сколько угодно найду. Не дорожусь.

- Мати Пресвятая Богородица! - заголосила Агафья. - Прогнал его барин, пьяницу, лежебоку-дармоедину! Куда ж я с ним теперь... За что же он тебя выгнал-то?

- Да, грит, зачем по балам шляюсь и зачем морду изувечил. На козлы, грит, страм посадить, - гнусит Ванюшка, тупо смотря в землю.

Торговка радостно волнуется и суетится, как репортер на пожаре.

- Так зачем же ты дал эдак себя наколотить? - допытывается она. - Нешто можно столько человек на одного? Али уж очень выпивши был на вечеринке-то?

VI Ванюшка вдруг быстро-быстро захлопал глазами и, низко оттянув углы распыленного рта, жалобно всхлипнул:

- И нигде я не был... И на вечеринке не был...

- Господи! Наваждение египетское! Так с кем же ты дрался-то?

- И ни с кем не дрался... На земского напоролся!

- Молчи! - строго цыкнула Агафья. - За эдакие слова, знаешь куда?! Что тебе земский - тын аль частокол? Как ты на него напороться мог, дурак ты урожденный?

И она уже занесла было свою карающую длань, но торговка властно остановила ее и, указав на Ванюшку, многозначительно постукала себя пальцем по лбу.

- Ишь ты, - опешила Агафья. - Отец-то покойничек тоже пивал. Только к нему все больше эти, с хвостиками, приходили. А земский нет. Земским его не морочило.

- Вот что, парень, - с деловым тоном начала торговка. - Ты ляг себе да отлежись. Вон матка тебя керосинцем потрет. А уж я твое дело улажу. В ножки поклонисься. Да мне не нужно, я ведь не гонюсь. Без места, стало, не останешься. Земчиха меня сегодня просила, муж-то ейный Егорку-то из-за вора с кучеров прогнал; так вот, значит, не найду ли я ей парня, чтоб за лошадь уметь ходить... Я-то ведь еще не знала, что тебя выгонят. А вот теперь пойду да и предоставлю, что ты, мол, желаешь.

Успокоившийся было Ванюшка вдруг дико взвыл и, выпучив в ужасе подбитые синяками глаза, вскочил на ноги. Бабы шарахнулись в сторону и, подталкивая друг друга, вылетели во двор.

- Не! Тут керосин не поможет, - озабоченно разводя руками, решила торговка. - Беги, матушка, к головихе, у ейной старухи четверговая соль, дай ему с хлебцем понюхать.

Агафья охала и чесала локти.

- Пойти рассказать, - задумчиво прошептала торговка и, повертев головой, как ворона на подоконнике, пустилась вдоль улицы.

Надежда Тэффи

Завывают белые метели

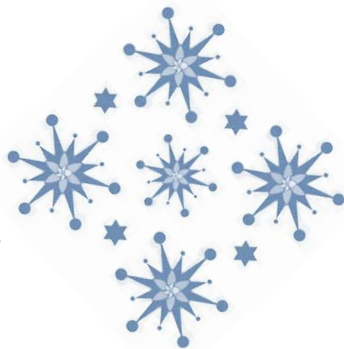
Завывают белые метели,
И берёз упругие стволы
За снегами вижу еле-еле
На ладони северной скалы.

Что-то сильно сивер разошелся!
Отчего-то ныне забузил...
Он всё ночь с берёзами боролся,
На прибрежных островах шалил.

Сторона моя во власти вьюги,
Весь заснежен берег у реки...
Ныне ветра воющие звуки
По особому тревожны и долги.

Александр Лазутин.

Сайт «Свете Тихий».

Где чистые песни Полесья

Где чистые песни Полесья
в ручьях леденящих звенят,
где светлая синь поднебесья
окрасится в алый закат,

Там часто летает орлица
и кружит над скрытым гнездом-
крылатая сильная птица
своих защищает птенцов.

Надежно хранит ее тайну
вершина высокой сосны,
но дружно гнездо покидают
окрепшие в силе птенцы,

и эхом разносятся крики
в просторах таежных лесов-
над краем огромным и диким
парящие тени орлов.

Елена Русецкая.

Сайт «Свете Тихий»

"Ни одна страсть в мире не может сравниться
со страстным желанием править чужую рукопись"
(Герберт Уэллс)

В Г О С Т Я Х

Начало в № 60

Рассказ

В селе разгоралось веселье. По случаю взятия Илии живым на небо в огненной колеснице, всякий православный человек считал своей обязанностью быть шумным, пьяным, ходить в обнимку с приятелями, громогласно упоминать их мать и родственников, а под конец - буйно воевать с ними из-за принципиальных разногласий. Когда спустились сумерки, село шаталось, пело, ругалось, играло на гармониках, ухало где-то в темноте переулков в приступе разгула, звенело женскими криками, бурно бушевало или басовито пело не совсем относящееся к предмету праздника:

Милашка моя, / Разува-а-а-жь-ка меня...

Окна хат сияли, как в иллюминации. Дом батюшки тоже ликовал. Туда съехались гости.

Приехал заозерский священник о. Кирик с матушкой. Трудно было сказать, кто больше весит: о. Кирик или его матушка. И с лица они были схожи: в комнату входило точно две луны, только одна - с бородой, а другая - совсем круглая. Оба были веселые и говорили басом. Только о. Кирик говорил больше о младенцах и покойниках чем об их бездоходности, а матушка - о курах, свиньях и коровах в связи с близким светопреставлением.

Приехал о.Кронид, человек одинокий, черный, угрюмый, молчаливый, оживлявшийся только при слове: «Пожалуйста к столу!» У стола он постепенно делался веселым, крикливым, шумным и заменял целую толпу.

Прибыл также из-за реки о. Венедикт, похожий на мощи. У него большая борода и круглые глаза, ничего не выражающие. Говорил он тихо, солидно и всё больше от писания, как бы сомневаясь в каждом своем шаге и стремясь оправдать его.

- Величит душа моя Господа, - даже и выпивая, говорил он. - Ибо, что ни делаем, во славу Божию делаем.

А вокруг него стоял гомон и крик дьяконов из соседних приходов и причетников, не всё понимавших и смеявшихся невпопад, из угождения.

- Тогда я две, - кричал кто-то, - во славу Божию!

А о. Кронид уже заменял целую толпу:

- Дьякона! Сюда, сюда! Се трубит архангел: Илия взят на небо! Колесница его - гром, гром! Вот оно откуда! - он дико хохотал. - А перед громом-то... кто со мной?

- Я, я! - отзывались дьякона.

И причетники кричали:

- Я, я!

О. Кронид изгибался в смехе.

- А после грома... я с вами. Ха, ха, ха! Отцы! Братие! Сродницы! Собутыльницы! - Он пел: «При-и-и-дите... вы-ы-пьем!»

От стола он уже не отходил. И даже, оставаясь там один, кричал и пел так, что, казалось, у стола кричит и поет несколько человек.

О. Валентин сбился с ног, угощая.

- Пожалуйста, пожалуйста, - суетился он. И вдруг вспомнил: - А где же папаша, Лиза? Что же он не поздравит с праздником-то?

Матушка, пунцовая и веселая, пожала плечами.

Дьякона не было. Он некоторое время беседовал с о.Кириком о покойниках, вежливо выслушал подробное сообщение о.Кирика о том, какой покойник в каком приходе сколько стоит, и как ничего не стоят покойники в Заозерье. Потом покорно отдался во власть матушки о.Кирика, посвятившей его в тайну отношения курицы к светопреставлению:

- Петухом! - волновалась матушка. - Виданное ли дело? Но сама слышала. Повернулась курица лицом к востоку - и запела! А, ведь, с востока и должно начаться. Видите, все признаки. И еще вот, корова...

Дьякону было скучно, его манила улица. Но ему еще пришлось выслушать о.Венедикта, который сказал, остановив на дьяконе круглые и ничего не выражающие глаза:

- Пришел человек некий и посеял плевелы, - он слегка потрогал дьякона за грудь: - Как это понять?

- Дьявол... - начал было дьякон. Но о.Венедикт перебил его:
- Не сам лично. Через слуг своих. Посему, когда доношу на оных... правильно ли поступаю?

- Христос повелел прощать, - робко сказал дьякон.

О. Венедикт еще более округлил глаза.

- Я и прощаю. Мне какое дело? Я не судья. А донести нужно. Ибо сказано: Божие - Богови.

Тут на дьякона напал о.Кронид. Он напал на него как-то и справа, и слева, и позади, и кричал ему сразу в оба уха:

- Буль-буль-буль... Пойдем-ка... из стекларуса!

Но дьякон замахал руками и убежал. Он вышел во двор и за ворота на площадь, где темнела церковь, и на фронтоне ее, в отблесках света из окон, виднелась фигура Илии: в колеснице, устремлявшейся в небо, он то выдвигался на свет, то скрывался, будто пытался улететь, и не мог...

Село бурлило. Его веселые крики и песни перешли в тяжелое, буйное бормотанье, как призраки пьяного сна. Вдоль хат и заборов пробирались люди неведомо куда. Нелепо тыкаясь, в недоумении ощупывая воздух непослушными пальцами. И, встречаясь, не могли разойтись. И, буйно вспоминая матерей, шли войной друг на друга, но не могли встретиться. А из распахнутых окон, вместе с тусклым светом чадающих ламп, лились потоки тяжелого, нечленораздельного бормотанья, переходившего в дикие вопли яростной схватки или слезливое причитание. Дьякон видел за окнами бледные лица с искривленными ртами, с диким взглядом налитых кровью глаз. Казалось, спиртный ураган пронесся над селом и оставил за собой безумие: село впало в тот бред, когда вселенная, с ее Богом, которому только что усердно молились, с ее скорбью, от которой только что плакали, превращается в веселую и пляшущую туманность, в безбрежную реку, которую нипочем перейти вброд, или в лицо врага, которое нужно немедленно сокрушить. Всюду дьякон наткался на людей, дерущихся, как во сне, тяжело и молча. Переступал через живые трупы у заборов.

- Ну и пью-ют! - качал он головой. - И переводил взгляд в небо, как бы ожидая увидеть там проносящегося в колеснице Илию.

Но небо было пусто и мутно, звезды едва мерцали. Тьма была пропитана запахами. Точно гигантский черный рот, улица дышала алкоголем и бормотала ругательства; не было матери на селе, которую бы не кляли в драке, в споре, в полусне или просто в приступе веселья - и скопом и в одиночку. Но дьякон был привычен к этому. Он только сомневался: «Неужели... и Фока?»

А ему так хотелось отправиться на реку, по туманной заре скользнуть в камышах, сидеть, в чутком ожидании, над таинственной глубиной...

У Фоки хата была темна, но со двора слышался веселый крик и топот. У дьякона защемило сердце. Он осторожно прокрался к плетню, чтобы в случае чего незаметно уйти. Но, заглянув через плетень, улыбнулся во все лицо. Среди двора, у подсолнухов, стоял стол, на столе кипел самовар и лежала груда пирогов и закусок; у самовара хлопотала веселая маленькая женщина, и всё приговаривала:

- Кушайте, Петрович! Василий Терентьевич... чем Бог послал.

В багровом свете оплывших огарков мелькали веселые лица мужиков, бородатых и хмельных.

- Варва-а-а-рушка! - любовно бормотали они. И играли в воздухе пальцам: - Да уж мы...

- А уж вы кушайте.

- Ты бы, мамаша, с нами пригубила.

- Сваты мои. Я и то пьяна!

- А мы... терезвы. Ха-ха-ха. Ах, ты... Вар-ва-а- рушка!

Они тыкали носы в рюмки, некоторое время точно нюхали, а потом медленно запрокидывали головы и с блаженным видом выпивали. И принимались смеяться.

- Фока-а-а! А мы за тебя... за твое здоровье! Ха-ха-ха.

Но Фоке было некогда. Он в этот момент пригнул к гармонике голову и так заработал на ней пальцами, что она сама, казалось, превратилась в того веселого мужичка, про которого пела. И Фока разухабисто подпевал ей тонким голосом:

А-а-а-ахх... ты, сукин сын, камаринский мужик!

Дух знаменитого мужичка появился на призыв. Всё, что сидело, сорвалось с мест. Всё, что еще могло стоять, начало выкидывать колена, приседать, кружиться, корчиться и ухать. Петрович, человек без бороды и с веселым носом, вскочил даже на скамью, но тотчас, как бы ныряя,

исчез в подсолнухах. Василий Терентьич, словно весь сработанный из черной мягкой кошмы, бесшумно приседал и, надув щеки, выкидывал ноги в черных валенках, подымая пыль. Всё смешалось в вихре крутящихся тел. Даже подсолнухи будто тряслись от смеха и кивали желтыми головами. А вокруг пляшущей толпы уточкой шла Варвара и помахивала платочком.

- Ва-рва-а-рушка, - кричали ей любовно: - ай да баба...

- А ну, сваты мои... кто мне под пару?

- Я, я!

Петрович уже выполз из подсолнухов.

- Я, Варварушка, я! - он встал в позу, выпятил грудь и согнул колено: «Ухх! Но не двинулся...

- Жарь, Петрович!

- Ух! - опять крикнул он. Сел на носок, выкинул ногу и поскакал вокруг Варвары.

А Варвара точно раздувалась и качалась. И кивала смеющимся лицом. Фока бился с гармошкой весёлым боем. Мужики ревели от удовольствия. Петрович хлопал в ладоши и нёсся вокруг Варвары, как бы падая.

Вдруг Варвара остановилась и вскричала:

- Ай-яй, это что за дух через забор смотрит?

Все обернулись.

- Это я, - сказал дьякон весело.

- Кто?

- Дьякон.

Фока отбросил гармонику.

И вот уж дьякон сидел за столом, и ему кричали со всех сторон:

- Звонарь ты наш.

- Запевало номер первый!

Петрович тянулся к нему с рюмкой. Василий Терентьич пытался поймать его в свои кошомные объятия. Варвара накладывала ему пирогов. А Фока кротко смотрел на него хмельным глазком и всё пытался сказать ему:

- О...тец... дьякон... я... люб...лю тебя, - Но у него всё выходило: - «Убь.. ю-ю...» Хотя очень любовно.

Потом выпивали. И еще. Потом все шумно враз говорили.

Говорил и сам дьякон, и Фока, и Варвара, хотя каждый о своем, но в общем получалось что-то для каждого интересное. Петрович рассуждал о способах звона. Василий Терентьич убеждал дьякона поступить к ним на приход и обещал ему на новоселье корову. Дьякон после шестой рюмки вспомнил какого-то необыкновенного сома и подробно описывал, как ловил его. На это Петрович возражал что-то насчет пасхального трезвона, а Василий Терентьич, наконец, поймал дьякона и прижимался к его лицу кошомной бородой...

- О. дьякон... др-р-уг... возлюбил тебя!

Но дьякон еще только успел ухватить сома за жабры и, высовывая голову из-за кошомного плеча Василия Терентьича, кричал:

- А он... как попрет меня... в глубь, в глубь!

И дьякон веселился, воображая какую-то веселую реку и веселого сома. К нему тянулись с рюмками. Варвара говорила:

- Пригубьте, о. дьякон... с праздничком-то.

Дьякон пригубил. И, забыв про сома, внезапно вспомнил, что сегодня Ильин день. Он встал и умилился. И со слезами на глазах начал говорить, как мчался по небу Илия в колеснице огненной. Он смотрел вверх и видел Илию, веселого Илию на веселом небе. И кричал:

- Живой! Живой! Смотри... и радуется! Ибо все мы - сыны и братья его. И когда земля сохнет от жары солнечной, он гремит и посылает дождь. И когда сердце сохнет от греха, он посылает слезы покаяния. Ибо духам бесплотным непонятны грехи наши, а он - живой! Дьякон поднимал вверх руки:

- Он... понимает!

На это Петрович объяснил, как надо звонить в великий пост. Василий Терентьич обнимал Петровича и плакал, и повторял за ним:

- До-о-о-н, до-о-н!

Фока всё еще пытался что-то сказать, но не мог. Тогда, с горя, он ухватил гармонику. И из нее вдруг полилась такая веселая речь, что мужики, а за ними и Петрович, и Василий Теренть-

ич, всколыхнулись, метнулись, ухватились друг за друга, все враз сдвинулись с места, присели - и пошел снова топот, крики, пыль столбом...

Варвара плыла уточкой. А дьякон всё еще стоял с поднятыми к небу руками.

И вдруг по лицу его разлилась блаженная улыбка. Он подобрал подрясник, потихоньку сделал шаг, другой. И вдруг присел, ухнул...

- Ай, да дьякон... молодца! - кричали ему.

- Со мной, со мной, - изгибалась Варвара.

Дьякон шел гоголем, колесом, верстой, пятеркой, ухал, сгибался, выростал, становился фертом, будто падал вправо, влево, мчал вперед, клал голову на плечи. Вдруг будто сел на землю и, взбрасывая подрясник, стал так выкидывать ноги, что толпа превратилась в один хмельной, смеющийся и ревуший рот. Варвара не утерпела и сама пошла в присядку. А Фока приобрел связность речи, поднял гармонику над головой и, всё еще играя на ней, закричал звонко:

- Баста... умру за тебя... дья-я-кон...

Когда дьякон, растеряв по пути провожатых, ошупью нашел поповский дом, батюшкины гости разъезжались. На крыльце стоял со свечой о. Валентин и говорил в темное пространство:

- Милости просим... всегда вам рады.

С крыльца сводили о. Кронида. Он был снова угрюм, молчалив и свешивал голову на грудь.

Где-то в темноте слышался басок о. Кирика.

- А как у вас насчет... младенцев?

- Двугривенный.

- Видите, видите. А у нас... десять копеек!

О. Венедикт бессвязно кричал, отыскивая тарантас не там, где надо:

- Скакаше и играя... Это про Давида. Значит, и нам... гр-р-ешным... раз... ре.. - Он смолк внезапно и как будто навсегда.

Пропели колокольчики. Всё затихло. Взошла луна. У крыльца спал позабытый дьякон.

Дьякон два дня валялся на сеновале. У него болели ноги и ломило спину. Жарко тут было лежать на пыльном и душистом сене, как в бане. Но дьякону это нравилось.

- Как малину пьешь, - говорил он матушке Лизе: - пот гонит... а с потом всякая хворь выходит.

- Хворь-то была веселая, папаша, - усмехнулась матушка.

Дьякон сконфузился.

- Бес, - покрутил он головой: - бес горами качает.

- Ну, какой же тут бес, папаша, просто подгуляли.

Дьякон исподлобья взглянул на ее насмешливое лицо.

- Святым отшельникам в Фиваиде, - сказал он, - бес являлся в образе зверя, под свиным или собачьим обликом. Чуть забудут дверь перекрестить, он и тут. А мне... - Дьякон вздохнул и ухмыльнулся: - мне он всегда являлся в стеклянном виде.

- А в виде женщины? - лукаво взглянула попадья.

Дьякон вспыхнул.

- От этого Бог спас, - опустил он лицо. - Да у меня и дьяконица-то была... строгая. Хотя...

- Что?

- Ежели отшельники... нам-то грешным и совсем трудноато. Что говорить, было раз... искушение.

Матушка так и припала грудью к столу, ожидая.

- Было??

- Девица одна. Прихожанка. В церкви всё впереди становилась и смотрела так ласково. А потом письмо прислала.

- Ну? Ну?

- Ну... акафист я читал Варваре великомученице каждый день по несколько раз. Епитимию на себя наложил. И пост. Также обещанье дал... к Троице-Сергию. Прошло.

Дьякон крутил головой и усмехался.

- Что уж теперь говорить... стар и сед. А девица-то была... хо-ро-шая!

В этот день, возвратясь с прихода, о. Валентин влетел в комнату, как бешеный. Не говоря ни слова, точно не замечая жены и дьякона, он высыпал дрожащими руками из карманов медяки, бросал серебряные монеты, выкидывал бумажки. Два серебряных рубля сделали по столу вольт, прыгнули на пол и укатились в угол, под шкаф. О. Валентин только злобно бросил им:

- Прыгайте, прыгайте!

А матушка подбирала их. На столе вскоре лежала целая груда денежной смеси.

- Ого, - неуверенно рассмеялся дьякон: - монет-то... совсем по-городски.

- Что? - вспыхнул батюшка. - По-городски? Ага! Так нет, вы сосчитайте, сосчитайте! - Он бегал и крутился по комнате и выкидывал руку к столу: - Сосчитайте! А потом я вам скажу... - Он ударил кулаком по столу. - С меня довольно!

Монеты запрыгали. Но матушка уже охватила их руками и принялась считать, а о.Валентин скрылся в кабинете. Он что-то переключал там, ронял на пол. И вдруг выбежал, как бы весь в гневной пене.

- А скажу я прежде всего вот что... стыдно, папаша!

Дьякон удивился.

- Мне?

- Вам, вам, - как бы лаял о.Валентин: - дружить с моими врагами... яко Пилат! Стыдно! Предали собственного сына. Я всё знаю, всё! Где вы изволили быть! С кем изволили отплясывать! Упитья изволили в компании людей богомерзких. Ага! Старичок... старичок Божий. - Уж он не знал, что еще сказать, только повторял: - Ай-яй... старичок!

Матушка смущенно сказала:

- Валя!

Дьякон встал. Губы его дрожали от обиды, но он заговорил сдержанно:

- Если я прегрешил... яко Ной, не уподобляйся Хаму. Кто ты - судия, чтобы судить отца своего? У тебя враги? А мне все люди друзья. Это мое дело. Но, прегрешивши, как Ной, не повторю его проклятья, хотя Богом дана мне на то власть. Ведь, ты всё-таки у меня... - дьякон горько усмехнулся: - единственный...

О. Валентин спал с тона.

- Но... ведь, посудите сами, папаша... престиж духовного лица!

- Я тебя на две ножки поставил? - строго прервал дьякон.

- То-есть, как это?

- И посох я тебе вручил... науку? Ну, так и иди своим путем. А я своим иду. Есть старинная поговорка: яйца курицу не учат. А то, ведь, у курицы и крылья есть... подберется, да и улетит.

- И яйца бросит? - криво усмехнулся о. Валентин.

- Да, коли они не яйца, а... болтуны!

И дьякон сел к окну и стал смотреть на реку. Обида и вместе какая-то смутная тоска горели в нем. Опять перед ним метался чужой человек и кричал звенящим голосом, и вопил, и говорил ненужные слова. Но уж дьякон не слушал их. Как сквозь сон, долетали к нему отрывки разговора:

- ...такса... по таксе... с таксой...

Он искоса посмотрел на детей.

Матушка всё еще считала деньги, ставила их стопками, раскладывала кучками, и была вся пунцовая от волнения. А о.Валентин то принимался помогать ей, то бегал по комнате, взмахивал ручками и кричал... кричал всё одно, казалось дьякону, слово, всё то же слово:

- Такса!

Дьякон мысленно опять ушел к реке.

Вечером о.Валентин сказал ему:

- Папаша, не ходите ли вы со мной к моим друзьям? Нужно обсудить одно очень важное дело.

Дьякон молча согласился.

Дорогою о.Валентин сказал ему:

- А Фока-то. Убоялся, знаете...

- Чего?

- Гнева моего! Взял назад прошение. - И о.Валентин погрозил кому-то пальцем в темноту ночную: - О... я их научу!

У кудластого лавочника сидели жандарм, церковный староста и писарь. Как только вошел батюшка с дьяконом, на столе появился самовар, сласти, водка и закуска.

- Благословите трапезу, - прохрипел лавочник.

- Во имя Отца... - батюшка благословил стол.

Тотчас же выпили. Немедленно жандарм начал рассказывать про генерал-майора Бека и его приключения на Кавказе. Писарь скромно, с опущенными глазами, перебивал его, добавляя, что когда он служил в городе, и среди полицейских были праведники.

- Подвижник, подвижник, - горячо рассказывал он про одного околоточного: - он матерное слово за версту слышал. Бежит, бежит старичек... и цоп! И опять, ежели... цыгарку у рабочего...

и пилит, пока в пот не вгонит и в раскаяние. А уж ежели тебя пьяным увидит, никаких разговоров... цоп! Да-а... Павла Андреича всё начальство уважало.

Кудластый лавочник всё время только шумно и почтительно вздыхал.

- Спа-с-си, Го-о-споди!

А церковный староста поводил тараканьими усами и молчал, но не спускал глаз с водки.

Еще выпили. Тут приключения генерал-майора Бека приняли фантастический характер: он уничтожил одно за другим целые племена инородцев. И жандарм угрюмо радовался:

- Ежели человек не понимает, только и остается: по башке кокнуть!

Писарь уже крикливо убеждал старосту:

- Ежели у человека понимания нет, что же с ним сделаешь... Долбни! А, ведь, словом не долблешь. Христос долбил словом, а что вышло! До сих пор люди - анафемы.

Староста не спускал глаз с водки и молчал. А жандарм угрюмо согласился:

- Это верно. Кокни - он и поймет!

Батюшка горячо согласился с жандармом:

- Вы правы. Истинно. Что же другое остается? Только каждый по своему званию кокает. Вы - саблей, а я, что поделаешь... словом. Слово - меч Божий! А правительство должно всех... - Он поднял палец: - Законом!

- За беззаконие Христос целые города разоряет, - мрачно сказал жандарм, - вот недавно... остров провалился.

Лавочник вздохнул.

- Спа-си, Го-о-споди...

А батюшка кричал:

- Суд Божий, верно! А они не боятся. Вот хотя бы взять здешних прихожан...

Еще выпили. Теперь батюшка завладел полем разговора. Он стоял среди этого поля в гневной позе обличителя и напрасно между волчцов и терний искал доброго семени... Его не было.

- Пьянство, распутство... сквернословие, - перечислял он, - и всюду блуд!

Он приходил всё в большее возбуждение и кричал, что молитвеннику за такой народ и представателю пред Богом нужны великие силы для обличения, ибо он денно и ночью печется о погибающих душах, целит язвы греховности, молит Господа, да не покарает строго безмерное распутство умов и сердец. А они, вместо благодарности...

- Такса! - вопиял он. - Такса... Можно ли было что выдумать более богомерзкое?

Дьякон с тревогой наблюдал за сыном. А тот клялся, что не уступит в этой борьбе за свои права, доведет дело до епископа, до синода. Выше, если понадобится. Ибо священник сам должен оценивать свой труд на ниве Господней. Он ссылался на тексты, на приходскую практику в других местах.

Староста, наконец, не вытерпел.

- Выпьем!

Тут уж разговор стал шумным и всеобщим. Жандарм гудел, что только генерал-майор Бек мог бы всё привести тут в порядок, а писарь рекомендовал Павла Андреича. Староста под шумок налил себе стакан водки и уединился в угол. Батюшка кричал, что - если понадобится - дух генерал-майора Бека и Лавра Андреича проснется в нем... Только пусть его поддержат.

- Пусть поддержат! - кричал он, воздевая руки.

Лавочник шумно вздыхал:

- Спаси, Го-о-споди...

А жандарм бурно уверял:

- Вы власть... поддержим!

Писарь впал в чувствительность:

- Батюшка. Я... люблю вас! Я... всё сделаю. Поддержу...

- Подде-е-ржим!

Староста неожиданно получил дар речи и сказал:

- Выпьем!..

Еще выпили. Дьякон незаметно скрылся.

Продолжение следует...

С.И. Гусев-Оренбургский.

*Пришла нужда постучать по дереву – обнаруживаешь,
что мир состоит из алюминия и пластика. (Закон Флагга)*

Купола припорошены

СНЕГОМ...

Купола припорошены снегом.
Фонари утопают во мгле.
Колокольня сливается с небом,
И пейзаж неземной на стекле.

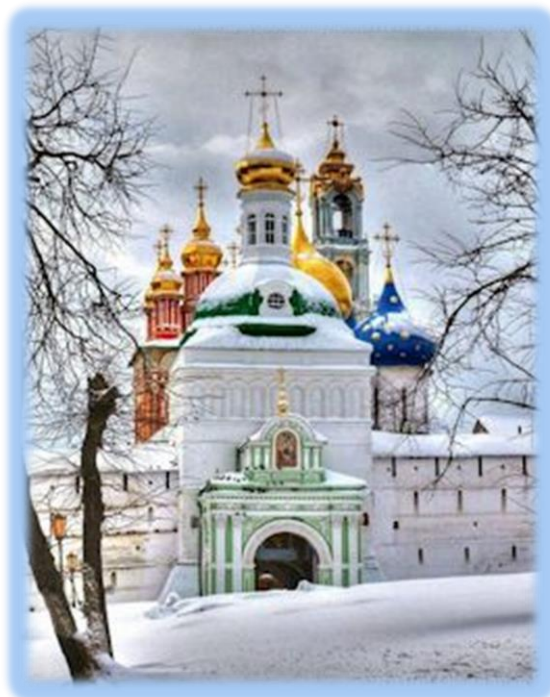
Нарисован невидимой кистью.
Подойду и рукой прикоснусь.
И под шелест оставшихся листьев
Постою и Творцу помолюсь.

Помолюсь о спасении мира,
О прощеньи забытых грехов.
Прозвучит херувимская лира,
Не подвластная ритму веков.

Повернусь, подгоняемый ветром,
И уйду в убеленную даль.
И душа, осиянная светом,
Позабудет про боль и печаль.

За спиною останется храма
Припорошенный снегом гранит.
И моя просветленная память
Навсегда эту ночь сохранит.

прот. Василий Мазур. г.Херсон.

Японские сонеты о зиме

Сказка лесная

Снова приснится
Дед в красной шапке, в санях
Сказка лесная...
Только синица
Тенькает звонко в ветвях
Лес пробуждая.
В рыхлых сугробах дома...
Время листают
Год календарный зима
Вновь завершает....

Автор –
**Альбина
Янкova**
(Albina Yanko)

Звёзд серебристость

Звёзд серебристость...
Блюз ускользящих дней,
Искренность снега.
Зимняя льдистость...
Русских бескрайних полей
Сонная нега.
Вольные песни ветров
С вьюгами хором...
Как вдохновенна любовь,
К этим просторам...

ЧУДО МОРОЗНОЙ ЗИМЫ

Снежная россыпь...
Времени радужный бег
Краски меняет.

Тихая поступь,
Хлопьями падает снег,
Даже не тает...

Чудо морозной зимы,
Синь и просторы...
Дивный художник творит
Окна – узоры.

ТИХО УХОДИТ ГОД

Тихо уходит
Год... и событий череда
В прошлом тускнеет...

Всё дорогое
Сердце с собой заберёт
Память согреет...

Новых свершений надел:
Чёт или нечет...
Времени Ангел скорбел -
Миг скоротечен...

Тревога

На краю села, в старом деревянном доме, что огорожен забором, хлопоты с раннего утра. Хозяйка его, Мария Андреевна - пожилая, худощавая женщина в платке, повязанном к затылку, весь день на ногах, присесть ей некогда. Она провожает на поезд единственную дочку, Катерину, белолицую, полноватую девушку и шестилетнего внука Ваню, который даже в этой суматохе не забывает капризничать. Почти всё уже собрано, толстые сумки стоят у дверей, и Мария Андреевна то и дело подходит к окну. Ждут Александра, мужа дочери. Он ушел к другу, на машине которого договорились ехать в город до вокзала, и с минуты на минуту они должны появиться. За окном стало темнеть и вдруг, совсем некстати, заморосил дождик.

- Нет, мама, в город с нами не ездят, - волнуется Катерина, подводя перед зеркальцем тени.
- Мы сами, сами. И так было прохладно, да ещё теперь сырость. А ты, моя дорогая, всё время кашляешь...

На душе у Марии Андреевны напряженно, очень хочется проводить до самого вагона, ведь дочка с зятем уезжают навсегда. Дело в том, что Александр, или как она ласково называет его - Сашечка, месяц назад уволился из армии по сокращению, получил хорошую денежную компенсацию и настоял переехать к себе на родину, где живут его родители, а это очень далеко, на Урале. Туда он съездил недавно и, как рассказал, уже нашел отличную работу, присмотрел квартиру в новом доме, и денег этих как раз хватит. Конечно, у дочки нет желания покидать родной дом, но на семейном совете после долгих разборов все же пришли к выводу, что здесь, в деревне, оставаться им, молодым, нет резона: после того, как закрыли рядом военный городок, другой работы не стало... - никакой перспективы.

- Ой, Катя, а кто там стоит? - вглядываясь в окно, задумчиво говорит Мария Андреевна. - Я уже несколько раз замечаю ее.

- Кто стоит? - Катя удивлена и тоже подходит к окну. - Никого я не вижу.

- Да вон там за дорогой, на той стороне улицы, какая-то женщина... или бабушка в черном.

Катерина долго всматривается в серый сентябрьский вечер. Даже Ваню одолевает любопытство: сбросив с колен пушистого кота Яшку, он подбегает к окошку.

- Где? Где? Где?

- Никого там нет, - заключает Катерина.

- О, а я знаю! Это же столб! - радостно догадывается Ваня. - Это потому, что ты, бабуля, свои очки не надеваешь!

Мария Андреевна облегченно вздыхает, гладит русые кудряшки его волос - когда еще она прикоснется к ним! Может быть, в следующем году, летом, когда он пойдет на каникулы? Раньше уж точно не приедут...

- Да, Ванечка, ты прав. Наверное, показалось. Очки надо носить, - соглашается она, но странное, непонятное беспокойство не отступает.

Катерина, оглядев сына, вдруг сильно возмущается:

- Ты чего наделал? Я тебе сколько раз говорила не брать кота на руки! Мама, посмотри, у него рукава и коленки - все в пуху!

- Я же с ним попрощаться хочу, - обижается Ваня и кривит губы. - Мама, а там у нас кот будет?

- Нет, в городской квартире кошки нам не нужны! Больше ни кошек, ни собак! С меня хватит. Снимай курточку и штаны, бабушка тебе почистит, мне некогда.

Мария Андреевна очень рада новому занятию, ведь это такая милая домашняя суэта; она понимает, что скоро, буквально через час, всё это закончится, а потом... а потом только пустота и тишина, даже думать страшно. Ваня огорченно вздыхает, расстегивает пуговицы.

- Тогда я останусь здесь, с бабушкой! - вдруг объявляет он.

Ваня капризничает специально, представляя, как они, обе в слезах, встанут перед ним на колени и начнут уговаривать его одуматься и ехать, и как он, человек великодушный, поразмыслит и пойдет им на встречу - согласится. Но этого не случается: залаяла во дворе собака. Видимо, подъехала машина.

Лязгает засов, и в ограде появляются двое. Старый, верный пес Мухтар приниженно скулит, провожая их до крыльца дома. Из всей сегодняшней суматохи он, должно быть, сделал вывод, что происходит нечто важное, переломное; в его глазах настороженность.

- Надо же, дождик разошелся, – говорит Александр, невысокий, коренастый brunet, как только они с другом входят за порог. – Пораньше надо выехать, темнеет быстро, да и дорога раскиснет.

- Да, да, да, я щас приготовлю на стол, - спохватывается Мария Андреевна, - поужинайте перед дорогой хорошенечко.

Вскоре все усаживаются за столом, бабушка садится рядом с внуком.

- Давай, я тебе два яичка почищу, ты же, солнышко мое, их любишь, - говорит она как можно ласковой, словно боясь отказа. - Курочки-то для кого теперь нестись будут? Совсем не для кого нестись, совсем...

- Ну, мама! - Катерина замечает, что мать призадумалась и на глазах ее вот-вот появятся слезы. - Не надо расстраиваться. Мы часто будем приезжать. У соседней есть Интернет, будем общаться по «Скайпу». Это так же, как мы сейчас говорим и видим друг друга...

- Да не расстраиваюсь я... Главное, чтобы у вас всё хорошо там устроилось. Сашечка человек серьезный, военный, слушай его, на него можно положиться.

Зять утвердительно качает головой.

- А я... - она старается улыбнуться, - а что я? Я ведь не одна остаюсь! Вон сколько со мной будет рядом: Яшка, Мухтар, курочки. С ними мне некогда скучать. А вы мне еще телевизор большой купили...

Закончив с мясным блюдом, зять вздыхает:

- Одного нам, Мария Андреевна, хватать не будет: так вкусно готовить, как вы, никто не умеет.

- Ой, Сашечка, спасибо. Мой покойный Федор Игнатьевич тоже всегда хвалил. Царствие небесное ему...

- Ванька! - вдруг громко негодует Катерина. - Ты сколько будешь глаза пялить? Ешь, я тебе говорю! Лучше не зли меня!

Чувствуя рядом бабушкино плечо, Ваня опять вредничает: он так и не дотронулся до еды, протестуя таким образом. Против чего - он и сам толком не знает, но знает, что всё сойдет с рук, пока бабушка рядом. Он привык быть под ее крылом; только это покровительство скоро закончится и он останется с родителями один на один, поэтому хочется еще хоть немного им насладиться.

Отец в этот раз очень строг:

- А ремня?

Ваня видит: отец не шутит. Да и бабушка вдруг предает:

- Ванечка, нельзя так. - Она гладит его кудряшки. - Тебе надо расти, молодому организму силушка нужна. А в дорогу все кушают с запасом. Не хочешь яички, тогда бабушкину котлетку съешь.

Поразмыслив, Ваня сдается:

- Только одну съем. И яичко тоже одно съем.

- Вот и умница: и пирожок один, и пряник, и яблочко - всё по одному.

- За Катерину вы сильно не переживайте, - прихлебывая чай, успокаивает зять, - она привыкнет быстро. Я по себе сужу: восемь лет, как вдвали от дома. Так привык здесь, что теперь еду домой - будто гостить. Даже не верится. Но если бы меня не забрали в армию, не отправили служить сюда, если бы потом не остался на сверхсрочную, то не встретил бы я такую красавицу, как ваша Катерина.

Катерина недоверчиво смотрит на него и возражает:

- Ага, и не украл бы у матери на старости лет единственную дочку.

Мария Андреевна вступает за зятя.

- Обо мне не переживайте. У всех дети когда-то разъезжаются. Главное, чтобы у вас были мир да любовь. Чтобы всё было хорошо.

И вот уже убран стол. Все сидят на стульях в молчании, искоса поглядывая на настенные часы, - так положено посидеть перед дорогой, подумать, вспомнить, не забыто ли что. Часы громко отсчитывают секунды расставанья, только ленивый, равнодушный кот, свернувшись калачом, спит на печи - нет ему дела до людских забот.

И вот уже все выходят во двор дома. Мухтар всё понял, он скулит, старается напоследок лизнуть руки хозяев. У машины долго обнимаются, целуются, утирают слезы. А Мария Андреевна, обнимая дочь, невольно вздрагивает, по телу ее пробегает холодок: там, на другой стороне улицы, она опять замечает знакомую черную старуху. Но сразу отводит от нее глаза: наверное, показалось. Завести разговор или даже спросить она теперь не решается - не до нее сейчас.

Мария Андреевна еще долго стоит одна, провожая взглядом удаляющуюся машину. Только после того, как она исчезает в сером, грязном сумраке горизонта, - только тогда переводит взгляд на место, где видела свое странное видение. Но от него и след простыл, словно никого и не было. Улица тиха и пустынна, лишь мелкий дождик колючит лицо.

Вздохнув, она отворачивается и идет в дом. Там она садится на стул и, застыв в задумчивости, смотрит в окно. Тишина непривычная, гнетущая. Даже часы на стене, стук которых теперь эхом отдается по пустому дому, кажется, нисколько не нарушают ее. В воздухе еще стоит запах недавнего присутствия близких, родных людей. Мария Андреевна растеряна, смутная тревога, которая не отступала весь день, теперь только усилилась; она стала яснее осознавать ее причину. Надо бы встать и что-то делать, да не находится сил: зачем делать, для кого делать? Всё вроде бы вокруг то же самое - и вроде бы всё стало другое, будто не свое, а чужое; даже кот, который беззаботно спит на печи, вызывает недоумение, обиду...

На дворе заскулил Мухтар, потом пару раз пролаял. Мария Андреевна встрепенулась, вышла из забвения: «Ой, его же надо покормить! С этими сборами совсем про него забыла!» И она торопливо складывает в кастрюлю на полу остатки еды, которые не съели за ужином. Торопливо, будто нашла средство от тоски, идет во двор. Еду высыпает в миску и, присев на дно этой кастрюли, рядом с Мухтаром, снова застывает в задумчивости. Нет - это всё не то, не то...

Мухтар нюхает еду, но не ест. Он поворачивает свою большую квадратную голову и неожиданно лижет хозяйку в щеку. Глаза у него грустные, умные - всё он понимает. Мария Андреевна как будто проснулась, она гладит его шерсть, а сама строго приговаривает:

- Ешь, кому говорю! Сколько будешь глаза пялить? Лучше не зли меня.

Только после этого Мухтар приступает к еде. А она снова задумалась, забылась... Через минуту она машинально гладит его по спине и приговаривает уже ласково:

- Нельзя так, нельзя... Тебе же надо расти, молодому организму силушка нужна... Ешь бабушкину котлетку, яичко ешь...

И вдруг слышит: в дверь ограды кто-то тихо стучится. Мухтар отрывается от еды, нюхает воздух и начинает лаять. Мария Андреевна спешит к двери, сердечко ее колотится. Но как только открывает дверь, то от страха сразу начинает пятиться: перед ней та самая старуха, и это точно - не видение! На ней черный платок, мокрый от дождя, серый балахон до самой земли, глаза тусклые, грустные, а черты лица... - будто она сама, только возрастом старше.

В первую минуту Мария Андреевна даже немеет.

- Не пугайся меня, Мария, - сипло говорит старуха. - Видишь, как я промокла, пока ждала? Пусты меня погреться, только собаку привяжи.

Марии Андреевне и страшно, и в то же время жалко ее. Кто она такая? В селе никогда не видела. И откуда она знает имя? И почему такое сходство?

У Марии Андреевны во всем теле дрожь, она с трудом находит в себе силы загнать в будку Мухтара. Потом она видит, как старуха, опираясь на свой посох, идет к крыльцу, как молча проходит мимо, не глядя на нее, как открывает дверь и как входит... словно к себе домой.

Мария Андреевна крестится и следует за ней.

В доме старуха садится на стул, рядом у стола. Мария Андреевна, зайдя за порог, в нерешительности останавливается.

- Что же ты в дверях-то стоишь? - говорит старуха. - Ставь чайник. Будешь со мною знакомиться.

Трясущимися руками Мария Андреевна наливает воду в чайник. Включив его, робко садится на стул в сторонке. После паузы, наконец, решается спросить:

- Откуда вы знаете меня?

- Я, Мария, не только имя... я всё о тебе знаю.

- Да кто ж ты, бабушка? Зачем пришла ко мне?

- Теперь я твоя верная подруга... Теперь мы будем неразлучны до самых последних твоих дней. Нам много будет, о чем поговорить...

Марии Андреевне становится душно, давит в груди.

- Не томи бабушка, сердце мое совсем изныло. Кто ты, скажи?

Старуха сочувственно качает головой, отводит глаза.

- Эх, Мария... Я - одиночество твое.

Мария Всеволодовна Крестовская

(1862 - 1910 г)

Ранние грозы

Рассказ.

Продолжение (начало в № 60)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

IV Лампадка мерцала и дрожащие тени ползали, мерцая, по полу и по стенам детской.

В одном уголке приютилась детская кроватка с длинным кисейным пологом, вся беленькая, чистая и какая-то таинственно выделявшаяся в полумраке. В этой кроватке Наташа спала еще до поступления своего в гимназию и ни за что не хотела расставаться с нею и переходить в "большую", хотя из этой давно уже выросла. Ей нравилось, всей уютно скорчившись и поджав колени к самой груди, свернуться в клубочек и сладко засыпать в ней, закрытой со всех сторон прозрачной кисеей. Еще совсем, бывало, маленькою девочкой она укладывала на ночь вместе с собой и свою любимую куклу и, крепко прижимая ее к груди, лежала с широко раскрытыми глазами, боязливо вглядываясь в глубину комнаты, казавшейся ей, сквозь легкий туман полога и в слабом мерцании лампы, какою-то фантастическою и сказочною.

Наташа никогда не была особенно резва и шаловлива. В ее детской душе с самого раннего возраста устроился какой-то совершенно особенный внутренний мирок. Вместо того чтобы бегать в пятнашки и играть в мяч, она целыми часами засиживалась над сказками и книгами с картинками, вся раскрасневшаяся, с блестящими глазами, боязливо вздрагивая от каждого шороха. В этих картинках Наташа своим детским воображением умудрялась отыскивать гораздо больше, чем они давали. Маленькие звери, птицы и деревья, изображенные там, принимали в ее фантазиях гигантские размеры и превращались в живую действительность. Маленькие пальмочки и азалии, стоявшие на окнах детской, начинали казаться ей великанами. Желтый паркет превращался в целую песчаную пустыню, где маленький домашний котенок оказывался вдруг тигром, делавшим страшные скачки и злобно искавшим себе добычу. И девочка, входя в игру, с ужасом прятала и спасала от него свою любимую куклу. Птички на обоях вдруг оживали для нее и перелетали, порхая, щебеча и звонко распевая, с ветки на ветку; она начинала тихонечко пощелкивать языком, подделываясь под птичье щебетанье, и страшно рычала вместо котенка, не узнавая и пугаясь собственного голоса. Котенок, расшалившись вместе с нею и чувствуя, что с ним играют, начинал грациозно заигрывать со своею госпожой, прыгая за ней по стульям и диванам и ошетиливаясь на нее с грозным видом. В детской поднималась страшная возня. Котенок прыгал и кувыркался, а госпожа как сумасшедшая бегала и, спасаясь от него, бросалась во все углы, залезала даже под кровать и диван, отчаянно взвизгивая и крича. На шум отворялась дверь и входила Марья Сергеевна. Наташа бросалась к ней с громким криком.

- Тигр!.. Тигр, мамочка!.. - кричала она, заливаясь испуганным и взвизгивающим хохотом и пряча голову в материнские колени.

Марья Сергеевна сразу не понимает, в чем дело.

- Да ведь это Васька! Котенок! - говорит со снисходительно улыбкой Марья Сергеевна, тою улыбкой взрослого человека, которая невольно появляется у больших, когда они говорят с маленькими. - Посмотри же!

Марья Сергеевна берет котенка и подносит его маленькое, пушистое, теплое извивающееся тельце к самому личику дочери. Но Наташа испугано взвизгивает и еще глубже прячет свой носик в складки материнского платья. Девочка вся раскраснелась, глазенки ее блещут и горят, а на лбу и около шеи выступили даже влажные капельки пота. Вся она трепещет и вздрагивает от хохота, барахтается и даже брыкает ногами. Марья Сергеевна видит, что дочка "совсем расшалилась", что теперь уже не успокоишь ее сразу и, целуя, поднимает ее и уносит с собой.

- Нет, мама, я сама, сама!

Девочка хочет соскользнуть с рук матери, вырываясь от нее, но Марья Сергеевна крепко держит ее и с торжеством вносит в столовую.

- Вот вам, папа, ваша буйная дочка! - говорит она, смеясь счастливыми глазами, и опускает дочку на колени к мужу.

Наташа быстро соскакивает. Ей ужасно совестно, она вся покраснела и готова даже расплакаться, хотя в то же время ей и смешно, и она сама не знает - плакать ей или смеяться.

- Ну, садись, садись, девчурка! - говорит Павел Петрович, придвигая ей стул.

Наташа вдруг стихает и принимает солидный вид взрослой барышни. Она степенно снимает салфетку с тарелки и с серьезным видом начинает откусывать маленькими кусочками нижнюю корочку хлеба, "как папа". Ей уже скоро шесть лет и потому в спокойные минуты она искренне считает себя "большою девочкой". Ей это очень нравится, и когда ее спрашивают, сколько ей лет, она со строгою важностью объявляет: «О, я уже большая, мне седьмой год». Она ни за что не скажет "мне шесть", а непременно "седьмой"; это как-то важнее, и потому ей нельзя нанести большего оскорбления, чем взять ее на руки, "точно маленькую".

- Ну, что поддельвала сегодня, девчурка? - начинает расспрашивать ее отец.

Отца она немножко дичится; в душе они очень любят друг друга, но говорить между собою не умеют. Павел Петрович несколько раз принимался говорить с ней, "поддельваясь под ее тон", даже не раз принимал участие в ее играх; только из этого ничего не выходило: девочка отвечала неохотно и смущенно, а к его играм относилась с каким-то недоверием.

- Отчего же ты не хочешь играть с папой? - спрашивала, бывало, Марья Сергеевна.

- Да я, мамочка, не умею.

- Как же это так, не умеешь? Ведь со мной же умеешь, и с няней умеешь, и даже одна...

- Так ведь то, мамочка, в самом деле...

- То есть как это, в самом деле? - недоумевает слегка Марья Сергеевна.

- Ну, да, когда я с тобой играю, или с няней, или одна... ну, как это, я не знаю... - Девочка краснеет и запинаясь с виноватым и смущенным лицом, не умея подыскать точного слова. - Тогда мы по-настоящему играем...

- А с папой разве не по-настоящему?

Наташа чуть не плачет, она не умеет выразить ясно эту тонкую разницу. Отец серьезен, всегда занят и на вид немного холоден. Наташа привыкла видеть его всегда за бумагами и слышать: "Наташа, тише, не шуми, папа занимается!" И потому видеть его играющим ей как-то странно и смешно. Она улыбается, когда он начинает бегать и прыгать вокруг стола и представлять медведя, чтобы позабавить ее, но улыбается так, как улыбаются взрослые на игры детей. Взрослые знают, что дети "только играют", то есть проделывают все это нарочно, а Наташа знает, что отец именно тем и портит игру, что "нарочно играет". Она чувствует, что эта игра не увлекает его, как увлекается она сама своими играми, и это невольно расхолаживает ее. Ей даже делается почему-то совестно, тогда как с матерью она возится целыми часами, бегают, кувыркается, визжит, и всею душой входит в игру.

После обеда Павел Петрович, поцеловав жену и дочь, уходит к себе в кабинет заниматься.

Наташа бежит вместе с матерью в комнату Марьи Сергеевны. Эту комнатку они обе очень любят. Она такая вся хорошенькая, уютная, мягкая... Марья Сергеевна садится за какое-нибудь вышивание перед рабочим столиком на маленький диван. Лампа с белым колпаком обливает ярким светом только доску стола да пестрые узоры на канве в белых, с голубыми жилками, руках Марьи Сергеевны. Остальная комната тонет в мягком полусвете.

Наташа притащит на этот диванчик все свои книги и любимых кукол. Ей хочется, чтобы все были вместе, и она, плутовато косясь на мать, забирается за ее спину в самый уголок дивана с ногами, чтобы не так страшно было. Тут ей так хорошо, тепло, уютно, и, грызя свои леденцы и яблоки, она вполне счастлива своим детским нетребовательным счастьем. Котенок Васька также вдруг откуда-то появляется и всегда вспрыгнет на диван так тихо и неожиданно, что Марья Сергеевна и Наташа невольно вскрикнут; высоко подняв свой пушистый хвост, он начинает ласкаться к ним, громко мурлыча и назойливо подставляя свою полосатую мордочку с розовым носом прямо к их лицам.

- Пусти, Васютка, - говорит Марья Сергеевна, а Наташа тихо смеется и щекочет ему за ухом.

Васютка, выбрав себе, по-видимому, уютное местечко, укладывается, наконец, свернувшись клубочком, и лениво прищуривая на огонь глаза, продолжает блаженно мурлыкать. Он каждый раз норовит присоседиться где-нибудь на плече или на коленях Наташи.

- Ах мама! - вскрикивает, как будто с недовольным видом, Наташа. - Он опять ко мне на шею забрался!

- Ну, сгони его! - говорит Марья Сергеевна.

Но Наташе, в сущности, это очень нравится, она не хочет сгонять его. Он такой теплый и так смешно мурлычет у нее под самым ухом.

- Ну, уж пускай его! - снисходительно разрешает она. - Ну, а чего же ты утром боялась его? - вспоминает Марья Сергеевна.

- Да он утром, мамочка, тигр был, страшный такой.

- Ах ты, девчурка глупая! - смеется мать.

Наташа заваливается совсем за спину матери; из-за рук Марьи Сергеевны видно только с одной стороны беспокойные ножки, а с другой смеющееся плутоватое личико девочки.

- Ну, мамочка, рассказывай что-нибудь! - уговаривает она мать просящим тоненьким голоском.

- Что же тебе рассказать?

- Что-нибудь, мамочка, милая, ну, пожалуйста... Ну, хоть старое что-нибудь.

Наташа страстно любит эти вечерние рассказы матери.

Марья Сергеевна, начавшая со сказок, перешла мало-помалу в своих рассказах к живым людям, к биографиям своих бабушек, тетюшек, сестер и к воспоминаниям собственного детства. Ей самой нравится перебирать эти давние странички своей жизни. От них веет чем-то таким далеким, почти позабытым и наполовину уже исчезнувшим, но все-таки милым и интересным для нее: особенно годы первой молодости вспоминаются всегда такими свежими, отрадными, счастливыми, хотя в то время они, быть может, совсем и не были так счастливы и отрадны. Чем больше рассказывает Марья Сергеевна, тем больше и все яснее вспоминается. Кажется, вся жизнь, шаг за шагом, картинка за картинкой, бежит перед нею и вновь переживаетея ею.

Наташа слушает с потемневшими из-за расширившихся зрачков глазами, с ярко разгоревшимся лицом. Ее воображение страшно работает, люди и картины плывут перед ней совсем ясными, живыми. Иногда она прерывает каким-нибудь вопросом.

- А тетя Лиза с вами тогда жила?

- Тети Лизы тогда еще совсем не было!

Наташа поражается.

- Совсем не было? - протяжно удивляется она. - А где же она была?

- Она еще не родилась в то время.

Наташа несколько мгновений молча смотрит на мать, точно о чем-то думает.

- А дядя Петя был?

- Петя был; он уже учился тогда в гимназии и только на лето приезжал к нам. Такой кургузый был, краснощекий и перед нами, девочками, ужасно важничал своим мундиром! А раз он нашалил что-то и с него в наказание сняли мундир, и он целую неделю ходил в курточке и панталонах. То-то уж мы над ним смеялись - за все его важничанье ему отплатили.

Наташа задумчиво смотрит куда-то вдаль.

- Как странно, - тихо говорит она, - дядя Петя, и вдруг в курточке, тети Лизы совсем не было, а теперь есть... Тебя, мама, сначала тоже не было?

- Конечно, мой ангел.

- И папы? И бабушки?

- И папы, и бабушки.

- А было когда-нибудь, что совсем, совсем никого не было?

- Да, девочка, сначала и земли не было, и людей не было, Бог потом все сотворил; вот будешь учиться, все узнаешь.

- Где же все это, мамочка, было?

Часто Наташа задает такие вопросы, на которые Марья Сергеевна не всегда находит ответы.

- Ну, слушай дальше!

Но у Наташи уже образовался свой ход мысли, и вопросы интересуют ее теперь больше рассказов о тете и бабушке.

- Ну, а вот дедушка был, а теперь его нет! - восклицает она, по-видимому, все еще занятая своими мыслями.

- Дедушка умер и пошел к Богу!

- К Богу, это на небо, значит?

- На небо.

- Мама, как же говорят: Бог далеко и высоко; ведь он же на небе, а ведь небо видно, а если что далеко, так нельзя видеть. Как же это?

- Бог везде, милая, и на небе, и на земле. Не прерывай же меня, если хочешь слушать.

- Ну, хорошо, хорошо, не буду, рассказывай, мамочка, дальше.

Но через минуту она опять прерывает мать.

- Мама, на небе никогда никто не был?

- Никто.

- И никак нельзя попасть?

- При жизни нельзя, а после смерти все, кто праведно жили, там будут.

- Там, мамочка, верно, очень хорошо. Ты, мамочка, не знаешь, как там? - задумчиво моргая глазами, говорит она.

- Этого никто, дитя мое, не знает.

- Ну, хоть немножечко не знаешь ли?

- Да слушай же, Наташа, а то я перестану.

- Нет, нет, мамочка, я не буду больше, ни одного словечка не буду.

Марья Сергеевна опять начинает прерванный рассказ, Наташа мало-помалу входит в него и снова интересуется бабушками и тетушками, но вдруг она начинает хохотать.

- Чего ты? - удивляется Марья Сергеевна.

Но Наташа заливается раскатистым хохотом и даже не может говорить.

- Я, мамочка, все думала, какая это бабушка маленькая была, и вдруг она показалась мне - смешная, смешная такая, лицо старое, как теперь, и очки также, а платице коротенькое, и сама маленькая, и панталончики...

Марья Сергеевна невольно улыбается: бабушка в таком виде кажется и ей ужасно смешно.

- ...И вдруг, мамочка - ее мама - на нее рассердится и велит ее высечь! - И Наташе так живо представляется картина, как секут бабушку, что она начинает даже захлебываться от хохота.

Марье Сергеевне и самой смешно, но она старается внушить дочери, что над старшими смеяться грешно.

- Как нехорошо, Наташа! - говорит она, стараясь сказать строгим голосом. - Я рассержусь на тебя.

- Ну, мамочка, мамуся, милая, не надо, ведь это же смешно, правда ведь смешно? Да?

- Ну, полно, полно.

Но через мгновение она стихает и опять задумывается о чем-то.

- Мамочка, ведь все люди должны быть сначала маленькими?

- Конечно, все.

- Ни одного не было прямо большого.

- Ни одного!

- А потом стариками? Да?

- Да, если доживут!

На минуту воцаряется тишина. Наташа о чем-то думает. Марья Сергеевна считает крестики своего узора. Наташа сбила ее и со счета, и с нити рассказа.

- Я вдруг старуха, а бабушка маленькая - как странно! - задумчиво начинает Наташа опять.

- Мама, а какая я буду старухой? А? Посмотри, такая? Да? Похожа? - Она морщит всю свою мордочку и выдвигает вперед нижнюю губу, стараясь изобразить на своем лице старческую физиономию: - Похоже?... Мамочка, смотри! - говорит она, шепелявя и трясая головой...

Марья Сергеевна не выдерживает и, взяв ее головку в обе руки, нежно целует ее в сморщенный носик. Наташа обхватывает ее руками и прижимается к ней.

- Ты тоже, мамочка, старухой будешь?

- Тоже!

- Неправда! Ты красавица, ты всегда красавицей будешь! Да, да! Скажи да, мамочка! Пожалуйста. Я не хочу, чтобы ты старухой была.

- Ну да, да! Я еще не скоро старухой буду, не бойся!

- Нет, совсем не надо!

- Совсем нельзя.

Наташа внимательно и задумчиво рассматривает лицо матери, лаская его руками и целуя ее глаза, лоб, щеки и рот.

- Ну, хорошо, будь старухой, только не скоро, очень не скоро; вот что, вместе со мной, когда я буду старухой, тогда и ты, хорошо? Ах, мамочка, как это смешно будет: мы будем две бабушки, старенькие, седенькие такие...

Марья Сергеевна смеется:

- Ох, уж, действительно, это очень не скоро! Когда ты бабушкой-то будешь, меня и на свете тогда не будет.

- Как не будет! - огорчается Наташа. - А где же ты будешь?

- Где? Умру, как дедушка.

- Мамочка! - И Наташа с громким криком бросается к матери и обхватывает ее руками, прижимаясь вся к ней, точно боясь, что Марья Сергеевна сейчас же уйдет от нее.

Смерть матери так страшно пугает ее, кажется ей такую ужасною и невероятною, что она тут же начинает плакать. Марья Сергеевна, встревожившись ее слезами, нежно утешает ее, но девочка, прижимаясь к ней ближе, горько всхлипывает:

- Я не хочу... Не надо... Мамочка, милая... Пожалуйста... не надо...

- Да нет, глупенькая; ведь это не скоро еще будет...

- Совсем, совсем... не надо... я не хочу...

- Ну, хорошо, хорошо, мордочка моя, совсем не умру.

- Мы вместе... вместе, в одну минуту... пожалуйста, мамочка... да?.. Хорошо?

- Ну хорошо, давай вместе помирать! - и она улыбается своей девочке с любовною тихою лаской и нежно качает ее на руках, точно баюкает.

Мало-помалу Наташа успокаивается. Марья Сергеевна хочет достать ей в утешение из комода грушу, но после подобных предположений Наташа уже не отпускает ее и не отходит от нее ни на минуту. Она бежит в течение целого вечера, шаг за шагом, вслед за матерью, держась даже за ее платье, точно боится, что Марья Сергеевна умрет сейчас же. И после подобных разговоров они становятся еще нежнее друг к другу.

И мать, и дочь страстно любят эти вечера, для них это самое лучшее время дня, и они обе с нетерпением ждут вечера, но по-разному. Наташа - нетерпеливо и сознательно мечтая о них, Марья Сергеевна - спокойно и скорее бессознательно.

Темы беседы никогда не истощаются. С каждым годом рассказы и воспоминания подходят все ближе к переживаемой эпохе, и Марья Сергеевна с удовольствием думает, что, когда Наташе минет 17-18 лет, воспоминания разрастутся, разговоры станут еще задушевнее. Эта привычка - делиться с дочерью всем, посвящать ее в каждый маленький уголок своей жизни - дает возможность и самой Марье Сергеевне как бы еще раз пережить всю жизнь.

Продолжение следует...

М.В. Крестовская.

 *Ни один талант не может преодолеть
пристрастия к деталям.*

Что такое писательская жизнь?

Ни одной мысли вслух.

Что такое писательская смерть?

Выход в свет.

М. Жванецкий.

Этот странный русский язык...

Перед нами стол. На столе стакан и вилка. Что они делают? Стакан стоит, а вилка лежит. Если мы воткнем вилку в столешницу, вилка будет стоять. То есть, стоят вертикальные предметы, а лежат горизонтальные?

Добавляем на стол тарелку и сковороду. Они вроде горизонтальные, но на столе стоят. Теперь положим тарелку в сковородку. Там она лежит, а ведь на столе стояла. Может быть, стоят предметы готовые к использованию? Нет, вилка-то готова была, когда лежала...

Теперь на стол залезает кошка. Она может стоять, сидеть и лежать. Если в плане стояния и лежания она как-то лезет в логику "вертикальный-горизонтальный", то сидение - это новое свойство. Сидит она на попе.

Теперь на стол села птичка. Она на столе сидит, но сидит на ногах, а не на попе. Хотя вроде бы должна стоять. Но стоять она не может вовсе. Но если мы уберем бедную птичку и сделаем чучело, оно будет на столе стоять.

Может показаться, что сидение - атрибут живого, но сапог на ноге тоже сидит, хотя он не живой и не имеет попы. Так что, поди ж пойми, что стоит, что лежит, а что сидит. А мы ещё удивляемся, что иностранцы считают наш язык сложным и сравнивают с китайским.

Саломея

Приключения, почерпнутые
из моря житейского.
Александр Фомич Вельтман.

Начало см. № 54

Продолжение

КНИГА ПЕРВАЯ

Часть третья

I

Часов в семь вечера, проезжая мимо дома Памфила Федосеевича, можно было подумать, по необыкновенному освещению комнат, что тут, верно, дело готовится к балу; бумажные люстры, *изобретение Воронова*, были во всем своем блеске; по углам - лампы на треножниках, по столам - подсвечники. Разодетая Степанида Ильинишна то пройдет по комнатам и смахнет белым своим носовым платком там и сям, по столам и стульям пыль; то побежит в девичью, которая в экстренных случаях обращается всегда в буфет. Сам Памфил Федосеевич, в каком-то павловских времен мундире, похаживает взад и вперед в беспокойном ожидании, осматривается и охорашивается в зеркало. Не должно забыть, что в подражание престарелым вельможам былого времени на нем плисовые сапоги; в одной руке огромная золотая табакерка, в другой - пестрый носовой платок. В этом беспокойстве ожидания гостей - вельмож нового века, и сверх того литераторов, он почувствовал всю необходимость ассистента и досадовал на себя, что не сказал Лукьяну Анисимовичу, чтоб приехал пораньше. Но Лукьян Анисимович, легок на помине, явился вовремя, также в мундире, но девятнадцатого столетия, с двумя коротенькими, разъехавшимися и оттопырившимися острыми фалдами сзади, в один ряд пуговиц спереди, с удушливым воротником.

- Ну, рад, что вы приехали, Лукьян Анисимович, а то меня уж скука взяла.

- Э, как вы примундирились, Памфил Федосеевич. Да ведь я Бог знает с каких пор не выдывал вас в мундире!

- А что, а? Тряхнул стариной!

- Славно, ей-Богу, славно; а правду сказать, прежние мундиры как-то почтительнее.

- Чу! Кто-то, кажется, приехал!

- Кто-то приехал!

- Где ж Миша? Что он нейдет сюда? Иван, позови, братец, Мишу!

- Сейчас-с, фрак изволят надевать.

- Степанида Ильинишна! Кто-то уж приехал!

- Неужели? Встречай же! Да где же Миша? Скажите ему!

Степанида Ильинишна села в гостиную, а Памфил Федосеевич вышел в сопровождении Лукьяна Анисимовича в залу.

В передней раздалось вдруг несколько юношеских голосов:

- Дома Лычков? А! И ты приехал? Куда ж к нему? Сюда, наверх? А! Здравствуй. Не рано ли? Я прямо из канцелярии: дело, братец, черт бы драл, думал до полночи задержит...

- Что ж это? Кто это? Где ж Миша? - повторял Памфил Федосеевич, слыша, что восклицания вперевод все глуше и глуше, и только крикливые голоса и топанье стали раздаваться над потолком.

- Да что ж это за дурак Миша? Увел их к себе вверх, - продолжал Памфил Федосеевич, воротясь в гостиную. - Вверх ушли, матушка!

- Ах, батюшка, да придут!

- Чу! Кто-то еще приехал!

Снова в передней шум, говор, и снова все ушло вверх. Еще кто-то приехал, и еще, и еще; над залой и гостиной такая топотня, что ужас. Степанида Ильинишна не усидела, выбежала в залу, где Памфил Федосеевич и Лукьян Анисимович стояли в недоумении.

- Это Бог знает что! - вскричала было Степанида Ильинишна, - там черти возятся!

Вдруг кто-то подъехал, Степанида Ильинишна бросилась в гостиную, дверь отворилась.

- А! Григорий Иванович!..

Вслед за Григорьем Ивановичем вошла, в огромных белокурых локонах, полная томная луна, водруженная на гибкий, зыблущийся стан, в раздутом шелковом платье, на крепко накрахмаленной шумящей юбке.

- Домна Яковлевна, - сказал Григорий Иванович, - известная по своим сочинениям...

- Ах! За счастье поставляем, что вы сделали честь пожаловать; покорнейше прошу... Степанида Ильинишна! Вот... Григорий Иванович сделал нам удовольствие...

- Я желала познакомиться с вами... Я так много слышала... - произнесла дева-поэт, приседая перед Степанидой Ильинишной.

- Очень приятно, очень нам приятно. Покорнейше прошу. Вы проводите также время в стихотворениях?

- Да-с, это любимое мое занятие.

- Это очень приятное занятие.

- Да-с, имея способность, нельзя жертвовать ею для каких-нибудь пошлостей...

Домна Яковлевна не успела кончить речи, как вошел Иван и дал знак барыне, что, дескать, кое-что нужно сказать.

- Извините, - сказала Степанида Ильинишна, выходя. - Что тебе?

- Михайло Памфилович приказал подавать чай.

- Это что! Чай? Кому?

- Да там много гостей у Михаила Памфиловича. - Что ж это он туда их завел? А?

- Не могу знать-с; только там их очень много; такие все бойкие господа.

- Скажи Мише, что здесь...

- Кто-то приехал! - сказал Иван, побежав в переднюю.

Приехали Гуровы, знакомые, а потом еще знакомые, а вслед за этими знакомыми Саломея Петровна.

- У вас вечер литературный, Степанида Ильинишна? У вас будет известный поэт, - сказала Саломея.

- Да-с, литературный.

- Неужели? Ах, Боже мой, мы и не знали!

- Ах, Памфил Федосеевич! Что это значит, что вы в таком параде?

- Да как же, нельзя иначе.

- Так прикажете подать чай, сударыня? - повторил вопрос слуга.

- Подождать! Здесь подадут.

- Да барин три раза уже присылал.

- Где же Михайло Памфилович? - спросила Саломея Петровна.

- Позови Мишу!

В гостиной происходило уже тара-бара. Дева-поэт смотрела на всю толпу молча, презрительно и, видя, что тут дело идет не о поэзии, подозвала Григория Ивановича и спросила его: «Это-то литераторы?»

- Нет-с, они все наверху.

- Что ж мы туда нейдём?

- Как можно-с!

- Да что ж, они придут?

- Я полагаю-с.

Появился Михайло Памфилович, всем раскланялся в гостиной.

- Помилуй, что это ты загнал всех наверх? - спросила его шепотом мать.

- Прикажете, маменька, подавать чай ко мне, - сказал он, не отвечая на ее вопрос.

- Где ж, братец, литераторы-то? - спросил шепотом Памфил Федосеевич.

- Ах, папенька, что это вы в мундире? - отвечал Михаил Памфилович, взглянув на отца.

- Да как же, братец! Что ж это...

- Михайло Памфилович, где ж ваш поэт? - спросила Саломея Петровна.

- Наверху, - отвечал он.

- Приведите его сейчас сюда и познакомьте меня с ним, слышите ли?

- Непременно-с, позвольте только, - отвечал торопливо озабоченный Михаил Памфилович.

- Вызовите, Михайло Памфилович, сочинителей сюда, - говорила одна пожилая знакомая. - Ну, что они там попрятались от людей; нам хочется хоть взглянуть на них.

- Я предложу... но нельзя же... - отвечал Михайло Памфилович, не зная, как вырваться из гостиной наверх, где действительно происходил литературный вечер: один поэт читал свои стихи, в которых описывал портрет дьявола.

- Bravo, bravo! Живой дьявол! Вот дьявол! - восклицали канцеляристы, не обращая внимания на Дмитрицкого, который сидел в углу на диване, курил сигару и в свою очередь дивился. «Ай да литераторы!» - думал он.

Один из восторженных слушателей сидел подле окна, где на столике горела лампа. Окно было отворено, дым валил в него, как из трубы.

- Bravo! Вот дьявол! - вскричал он, и в восторге так ловко размахнулся рукой, чтоб аплодировать поэту, что стоявшая лампа, как ракета, полетела в окно - и бух на перилы заднего крыльца. А на крыльцо в это время вышла Степанида Ильинишна, вызванная девкой послушать, что происходит сверху; осколки стекол, брызги масла обдали ее.

- Господи! Что это такое? - вскрикнула она, опомнившись от ужаса. - Миша! Миша! Убили меня... Господи! Это собрались какие-то разбойники!

- Ах! Извините, сударыня, ей-Богу, не нарочно, - отвечал голос из окна антресолей, и вслед за этим раздался хохот как будто нечистой силы.

Михаила Памфиловича тут уже не было; он предложил мнимому поэту сойти вниз, соблазнив его прекрасной дамой.

- Не хотите ли познакомиться с одной из замечательных московских красавиц? Вам, верно, она понравится, - сказал он ему.

- Кто она такая?

- Саломея Петровна Яликова.

- Большого круга?

- Большого.

- Богата?

- Очень богата; как поет! Я попрошу ее спеть что-нибудь.

- Пойдемте знакомиться с дамами: мне ваши литераторы не понравились, - сказал Дмитрицкий. И сошел вниз вслед за Михаилом, Памфиловичем, который мимо отца (маменька в это время была на крыльце) подвел его к Саломее Петровне.

Побрившись, пригладившись, в венгерке, Дмитрицкий был хоть куда мужчина - статен, смел в движениях, с метким взглядом, за словом в карман не полезет, прикинется чем угодно, словом, человек с надежной внутренней опорой. С первого взгляда он поразил Саломею Петровну так, что у ней заколотило сердце...

Войдя в комнату и обратив на себя общее внимание, он устремил на нее какой-то непреклонный взор, и ей казалось, что он уже обнял ее и она не в силах ему противиться.

- Я очень счастлив, - сказал Дмитрицкий подходя, - что первое мое знакомство в Москве так лестно для моего самолюбия.

- Без сомнения, это взаимно, - отвечала Саломея, вспыхнув, - такой у нас гость должен быть всеми встречен с радушием.

- Всеми? Избави Бог, одному всех не нужно! - возразил Дмитрицкий по сердцу Саломее.

- Мне приятно, что и мои мысли согласны с вашими.

Дмитрицкий сел подле Саломеи, и они, не обращая ни на кого внимания, продолжали разговор, между тем как все прочие отделились от них, как от жениха с невестой; говорили шепотом, посматривая на счастливую чету. Только дева-поэт почувствовала в себе столько смелости, чтобы сесть подле Саломеи и принять участие в разговоре с поэтом...

Эта соседка очень не понравилась Саломее; окинув ее проницательным взглядом, она сказала Дмитрицкому:

- Пересядемте, пожалуйста: здесь так неловко, на этих креслах!

И с этими словами она пересела на маленький двухместный диванчик в углу гостиной и предложила Дмитрицкому сесть подле себя. Это была позиция, к которой ни с какой стороны нельзя было уже подойти неприятелю.

- Москва, может быть, вам понравится, - продолжала Саломея, - но люди - не знаю: до сих пор я не встречала этого... этого... великодушия, которое так свойственно человеку.

- Великодушие? О, это пища души! - перервал Дмитрицкий, поняв, что это слово должно играть важную роль в словаре Саломеи. - Великодушие! Я не знаю ничего лучше этого! Как бы его определить?

- О, великодушие есть рафинированное чувство!

«Именно, рафинад, душа моя!» - сказал Дмитрицкий про себя. - Именно... О, я понимаю вас! Вы должны сочувствовать всему, сострадать людям!

- Да, я очень чувствительна.

- И не говорите, это видно; я уверен, что все недостатки их вы бы готовы были пополнить собою.

- Ах, как вы проникательны; я в первый раз встречаю такого человека.

- О, не говорите; знаете ли, я рад, что люди не совершенны; если б все женщины были хороши, я бы не встретил лучшей.

Эта фраза проникнула глубоко в сердце Саломеи, и оно заговорило: «вот человек, которого я так долго и безнадежно искала». После этого, разумеется, невольно высказалась жалоба на судьбу, что судьба бросает человека в зависимость, не соответствующую ни его уму, ни его сердцу.

Все это Дмитрицкий очень хорошо понял и, разумеется, стал доказывать, что если судьба есть такое существо, которое бросает человека не туда, куда ему хочется, то и человек есть такое существо, которое может подниматься и выходить из трущобы...

В заключение разговора Саломея, чтоб совершенно очаровать Дмитрицкого, присела за фортепьяно, взяла несколько аккордов, но почувствовала, что фортепьяно «недостойно прикосновения ее руки».

- Ах, спойте, - сказал Дмитрицкий.

- Не могу, - отвечала Саломея, - это какие-то древние клавиорды! Я спою вам, когда вы будете у меня.

И разговор кончился тем, что Саломея Петровна предложила Дмитрицкому на другой же день быть у нее. Рассказав ей историю ломки экипажа, и что он здесь в ожидании своих людей без всего, Дмитрицкий извинился, что в подобном наряде он не решится делать визиты.

- Вы будете приняты без церемоний, *как свой*, и я вас непременно ожидаю.

- Вы так снисходительны; но муж ваш может принять это за невежество.

- О нет, за него я могу поручиться. До свиданья.

Саломея Петровна уехала. Дмитрицкий остался посреди гостиной без компаса. Он вспомнил, что тут есть хозяева дома, а между тем затруднялся узнать их. Из стариков мужчин Памфил Федосеевич более всех походил на гостя; из почтенных дам, хоть Степанида Ильинишна явно суежилась и часто выбегала из гостиной по хозяйству, но одна старуха более ее походила на настоящую хозяйку, хлопоча об висте и предлагая всем сесть по маленькой. Однако ж Степанида Ильинишна сама вывела его из затруднения. Несмотря на озлобление свое против всех московских сочинителей, которые забрались к сыну и бушуют у него, и на досаду за невежество приезжего поэта, который, не рекомендовавшись еще хозяйке, любезничает в гостиной, Степанида Ильинишна подошла к Дмитрицкому.

- Очень благодарна, что вы почтили вашим расположением моего Мишу, - сказала она ему.

- Но я могу показаться вам невежливым, - прервал Дмитрицкий, - приехал в дом и по сию пору не представлен вам и супругу вашему; я по крайней мере просил вашего сына познакомиться меня.

- Ах, какой он! Извините его рассеянность. Памфил Федосеевич, вот наш гость желает познакомиться с тобою.

Дмитрицкий повторил свое извинение и перед хозяином, который в свою очередь стал извиняться, что это следовало бы исполнить ему, но что Миша не предупредил, и тому подобное.

Дмитрицкий в несколько минут очаровал всех, и даже старуху, которой хотелось не терять времени и сыграть партию в вист. Чтob хоть взглянуть на карты, он сам вызвался вистовать, если только найдется партия.

Партия составила из пожилой старушки, Дмитрицкого, Лукьяна Анисимовича и самой хозяйки. Хотели уже разносить карты, но, к несчастью, литературная дева, долго выжидая случая побеседовать с известным литератором, решила наконец обратить на себя его внимание чтением последнего своего произведения наизусть. Она без церемонии привязалась к Лукьяну Анисимовичу, увлекла его в литературный разговор, и, только что он сказал, что ужасно любит ее стихи, особенно с рифмами, она тотчас же предложила ему прочесть стихи. Откашлянувшись и начала декламировать о том, что чувства чувствуют, что душа жаждет, а сердце просит...

- Ах, как прекрасно! - сказала хозяйка, из должного приличия.

- Это ничего, - произнесла смиренно литературная дева. - Если вам угодно, - продолжала она, обращаясь ко всем, - я прочту вам маленькую поэму, которая будет занимательнее.

Пожилая старушка закашлялась от досады. Дмитрицкий сказал что-то про себя и хотел было проходиться по комнате, но литературная дева обратилась к нему с предисловием:

- При вас, - сказала она, - мне совестно читать; я надеюсь, вы будете снисходительны к маленькому моему таланту.

- О, помилуйте, - отвечал было просто Дмитрицкий, но подумал, что, верно, эта дева должна быть какая-нибудь литературная известность, и потому почел за долг прибавить: - Все ваши известные произведения так прекрасны, что мне остается заранее восхищаться и новым вашим произведением.

- Вы, вероятно, в рукописях читали мои стихотворения: я еще не решалась ничего печатать, - отвечала дева, - я не знаю, что такое печать, это пустяки; что прекрасно, то отпечатывается в памяти каждого...

- О, конечно! - отвечал Дмитрицкий нетерпеливо, - непременно! Так позвольте прослушать.

- Я вас должна предупредить, что поэма, сочиненная мною, взята из истинного случая, из жизни одной моей знакомой. Судьба ее была удивительна, вы увидите сами...

Литературная дева откашлянувшись, сделала движение вроде *польки*, и произнесла: «*В одной из деревень губернии Тамбовской...*»

- Я должна предупредить, - сказала она остановясь, - что происшествие случилось в Московской губернии; но я отнесла его к Тамбовской; это было необходимо, потому что все лица поэмы моей еще живы; сверх того, я переименовала имена...

*В одной из деревень губернии Тамбовской,
Жил некто, коего мы имя умолчим,
А назовем примерно: Полозовской...*

- Полозовской? Верно, Денис Иванович, - сказала почтенная старушка. - Любопытно послушать про него. Вы, стало-быть, знакомы с ним?

Литературная дева смутилась:

- Я никак не думала, - сказала она, - что выдуманная мною фамилия существует, я ее заменяю...

*Итак, рассказ свой продолжим.
Он был женат; его супруга
Была подобие и ангела и друга...*

- Ну, в этом прошу извинить, я их коротко знаю: всегда жили как кошка с собакой.

- Ах, Боже мой, я не о том Полозовском пишу, который вам известен; это не Полозовский, а положим, хоть Зимовский...

- Такой и фамилии нет во всей Тамбовской губернии; все помещики до одного мне известны. Может быть, Сановский? Да он холостяк...

- Я повторю известный стих: «Но что нам нужды до названья, положим, что звалась Маланья».

- Кто? Жена-то Дениса Ивановича? Извините!

- Это не мои стихи-с..., и не относятся к поэме, - отвечала презрительно литературная дева, - это стихи Дмитриева.

- Дмитриева? Так кто ж их не читал?! Прощайте, матушка Степанида Ильинишна!

- Что это? Куда ж вы?

- Пора, пора!

- Да ведь вы хотели в вистик сыграть?

- Да когда ж, матушка, мы сядем? В полночь? Если играть, так играть; золотое время терять нечего! Вы играете?

- С величайшим удовольствием, - отвечал Дмитрицкий.

Между тем вся публика, совокупившись в гостиную слушать поэму, во время возникшего спора чинно разбрелась по комнатам. В гостиной осталась партия виста да озлобленная литературная дева.

Хозяйка из приличия сказала было ей: «Уж извините, до другого разу»; но она, ни слова не отвечая, крикнула:

- Григорий Иванович, поедemте! - присела и вышла из гостиной.

- Что это за халда, матушка, выдает стихи Дмитриева за свои?

- А Бог ее знает! Григорий Иванович привез за сочинительницу стихов.

- Сочинительница! Я тотчас вывела ее на чистую воду; вздумала выдавать историю, что случилась с Денисом Ивановичем, за свою! Ведь, как вы думаете, она уверена была, что здесь никто его и не знает; а я как назло тут.

- Какая ж история случилась с этим помещиком?

- И это соврала: Денис Иванович совсем не помещик, а чиновник. Жена его, которую она назвала Маланьей, совсем не Маланья, а Матрена; история вышла пасквильная - разошлись; а причина-то смеху достойная. Поехал Денис Иванович в Москву, пробыл там, кажется, с месяц да повредился там, что ли, Бог его знает; только, возвратившись, вдруг ни с того ни с сего, еще и не поздоровавшись, говорит: «Скажи, Матрена Петровна, слава тебе Господи, мужик лапотки сплел». - «С чего ты взял, что я буду говорить», - сказала Матрена Петровна. - «Сделай милость, скажи!» - «Вот пристал!» - «Да скажи же, Матрена Петровна, скажи!» - «Не скажу!» - «Эй, говорит, говори, а не то плохо будет» - «Пошел ты к черту!» - прикрикнула с досадой Матрена Петровна. - «Кто - я к черту?! Так пошла же ты сама к черту!» И пошел дым коромыслом; слово за слово - ссора! Насилу усовестили. Дело-то все вышло в том, что в Москве Денис Иванович начитался какой-то книги, как узнавать, любит жена мужа или нет.

- Какая ж это книга? - спросил Памфил Федосеевич. - Я не слышал о такой книге.

- Не знаю, - прибавил Лукьян Анисимович.

Послали наверх за Михаилом Памфиловичем: он водится с литераторами, так должен знать; но и Михайло Памфилович не имел об ней понятия и побежал справиться у гостей своих.

- Так вот видите ли, помириться помирились; да в первый же день опять поссорились. Денис Иванович из Москвы же вывез какое-то новое кушанье - вишь, черепаховый суп из телятины, и велел повару приготовить. Ест, да похваливает: «Попробуй, - говорит Матрене Петровне, - чудо!» - «Поди ты, пожалуйста, с своим супом!» - «Сделай милость, отведай! Это такая роскошь, прелесть, что на удивление!» - «Ни за что не отведаю; я и подумать не могу о черепахе: это такая скверность, так с души и воротит!» - «Ну, сделай одолжение, попробуй! Для меня! Ведь это из телятины, только называется черепаховым». - «Ни за что!» - «Так ты не хочешь даже и отведать?» - «Не хочу!» - «Так черт же с тобой!» Да как хлоп *по* тарелке, тарелка вдребезги, а весь суп в лицо Матрене Петровне. Ну, тут уж и средств не было примирить; твердит одно: «Как, для меня даже дряни какой-нибудь не хочет в рот взять; да добро бы есть, а то просто - отведать!»

Продолжение рассказа было прервано приходом Михаила Памфиловича, который объяснил, по сделанной справке, что о том, как перебранились мужья с женами за лапоты, напечатано не в книге, а в журнале, называемом «Наблюдатель», и что повесть о том, как мужик лапоты сплел, сочинил казак Луганский. Начались суждения, зачем сочинять такие журналы, за которые можно ссориться, и для чего варить такие французские супы из всякой гадости, от которых порядочного человека может стошнить.

Между тем наверху происходили литературные прения; кроме двух самобытных поэтов, тут была всё образованная молодежь, читавшая ежемесячные журналы и почерпавшая из них ту премудрость, которая основывает все на своем собственном убеждении и на своем внутреннем чувстве. Один из них вместо пошлого русского слова *восторг* говорил все по-гречески: *пафос!* и это придавало его речи какое-то особенное возвышенное значение. Другой перебивал его вопросом: позвольте, позвольте! Какой же из этого результат? Третий говорил, что всё это пустяки и что рассуждать не так должно! Четвертый остановил бегающего то вниз, то вверх Михаила Памфиловича словами: «Что ж, братец, не едут твои литераторы? Мне бы хотелось прочесть моего Демона!» Михаиле Памфиловичу ужасно как хотелось объявить, что один из известных литераторов есть налицо; но он дал слово молчать до времени.

Литературный вечер кончился вверху шумной беседой канцелярских служителей, а внизу вистом.

На другой день Дмитрицкий просил Михаила Памфиловича, чтоб послать ему нанять извозчика: Михайло Памфилович предложил ему свой экипаж, но он никак не согласился на это и отправился в фаэтоне осматривать Москву и ее достопримечательности, только не по части археологии.

Это было на другой день... Но в тот же день Саломея Петровна, воротясь домой, завела разговор с своим Федором Петровичем о доходах имения и предложила ему воспользоваться хорошей погодой и, нимало не откладывая, съездить в имение, покуда не начались осенние дожди. Но Федор Петрович так разленился, что и думать не хотел о поездке. Упрек, что он мало занимается хозяйством имения, не подействовал. Других средств нельзя было употребить.

- Я уж чувствую, что и с твоим имением будет то же, что с батюшкиным: деньги растратжиришь, как батюшка, и хоть по миру иди.

- Чем я транжирю, Саломея Петровна?

- Да мало ли... и не пересчитаешь пустяков, которые ты покупаешь поминутно!

- А например?

- Я уж не говорю о твоей птичьей охоте, о брошенных деньгах на канареек и соловьев, которых ты развел как в птичнике. Положим, что это составляет твое единственное удовольствие; но зачем мы занимаем такой огромный дом, зачем накопил ты эти пустые, но дорогие вещи?

- Да ведь это всё... сами вы, Саломея Петровна, говорили мне, что нужно купить.

- Я же виновата! Кому же быть расчетливым, как не мужу! Вдруг шаль: заплатил четыре тысячи рублей!

- Да ведь она вам понравилась.

- Положим, что мне понравилась; но я ли платила деньги; вещь, которая стоит тысячу рублей, ты платишь четыре!..

- А я почему знаю, что стоит.

- Зачем же ты берешься сам покупать?

- Ну, покупайте сами, выйдет все равно.

- Нет, не все равно; если б я сама располагала деньгами, я бы берегла их и не желала бы того, что не по состоянию.

- Да кто ж вам мешает располагать; мне легче. Возьмите и деньги на расход.

- Давай, это гораздо будет лучше.

Федор Петрович отпер бюро, выдвинул ящик с деньгами.

- А это что ж за деньги? - спросила Саломея Петровна.

- Это... взяты из Опекунского совета...

- Зачем это? Давно ли ты взял?

- Да нужно было.

- Да я желаю знать - я уверена, что между нами нет тайн.

- Да батюшка ваш просил на короткое время займы.

- Папа? Прекрасно! Да он оберет тебя совсем! Папа! Не только мне приданого не отдал, да еще хочет меня обобрать! Нет, этого не будет! Этого я не позволю!

- Да как же, Саломея Петровна, я обещал.

- Скажи, что деньги у меня; пусть ко мне обратится с просьбой! Где билеты? Я их к себе спрячу: я вижу, что у тебя они недолго налезат, придется идти по миру!

- Я билеты отдам. А уж эти, ей-Богу, Саломея Петровна, надо дать батюшке. Он очень нуждается, говорит, что опишут все имение, если не отдаст долгу. Уж куда ни шли пятьдесят тысяч...

- Пятьдесят тысяч! Что ты это! Никогда! Прожил свое состояние, да за мое хочешь приняться! Никогда этого не будет! - и с этими словами Саломея Петровна взяла пук ассигнаций и билеты, и вышла из кабинета.

- Этот дурак кожу снять с себя позволит на заплату чужого кафтана! - говорила она, запирая деньги и билеты в свое бюро.

Этим день кончился; новый день Саломеи Петровны начался заботой о туалете. В одиннадцать часов она была уже в гостиной убрана очень пленительно. Предчувствуя, что Федор Петрович будет только мешать умной и интересной беседе ее с поэтом, она выживала его из дому. Он съездил за ее необходимостями, воротился, и хоть снова выдумывая необходимости; потому что Дмитрицкий еще не приезжал. Саломея Петровна успела найти еще поручение, но гость на двор, и он на двор. Можете себе представить ее досаду!

Дмитрицкий влетел в гостиную, не обращая внимания на приехавшего в одно время с ним и вместе вошедшего в гостиную.

- Федор Петрович, наш известный литератор, желал с нами познакомиться, и я просила его сделать нам эту честь.

- Очень приятно, покорнейше прошу, - сказал Федор Петрович, всматриваясь в сабельку с рядом разных крестиков на груди Дмитрицкого.

- Да-с, я так много слышал от общего нашего знакомого о вас, что желал непременно познакомиться с вами, тем более что и вы служили в военной службе.

- Как же-с. А вы где изволили служить?

- На Кавказе, потом вышел в отставку и занимаюсь моим любимым искусством.

- Федор Петрович, - сказала Саломея Петровна, - ты бы приказал подать закуску.

- Сейчас, сию минуту, - отозвался Федор Петрович и вышел.

Дмитрицкий понял, что присутствие мужа тяготило Саломею Петровну, и не предвидел никакого удовольствия провести время между двумя супругами.

- Я хотел раньше быть к вам; но меня задержал странный случай... На свете, должно быть, очень много угнетенных нищетою.

- Что такое с вами случилось?

- На улице остановила меня девушка просьбой купить у нее разные женские рукоделья, ридикюли, снурочки и прочее. «Мне, милая моя, не нужно это». - «Купите, сделайте одолжение! - сказала она умоляющим голосом, - вы спасете от голода целую семью нашу. Мы трудимся, работаем, чтоб добыть кусок хлеба; но никто не покупает у нас, и хуже еще: дают такую цену, дороже которой стоит материал». - «Велико ваше семейство?» - спросил я. - «Матушка и четыре сестры». Чувство сожаления проникло меня, и я пожелал видеть это несчастное семейство. Я был там.

- И убедились в их бедности?

- О, очень. Без сострадания нельзя смотреть. Я отдал все, что имел с собою.

- Как вы великодушны!

- Это обязанность каждого человека. О, если б вы видели это семейство!

- Сейчас подадут, - сказал, входя, Федор Петрович.

Саломея Петровна вскочила, встретила его в дверях и сказала на ухо:

- Пожалуйста, не заводи разговора, извинись, что тебе надо ехать; а то он Бог знает сколько просидит и меня задержит; а я собралась к Радужиным.

- Да вы поезжайте, а я с ним останусь; мне еще будет приятно провести время с военным человеком.

- Хорошо! - отвечала с досадой Саломея Петровна и вышла в залу.

Человек внес завтрак; Федор Петрович стал потчевать. Дмитрицкий выпил, закусил, и от нечего говорить стал расспрашивать Федора Петровича, где он служил, долго ли, счастливо ли, давно ли вышел в отставку. А между тем Саломея Петровна, проникнутая какой-то ревностью, что муж отбивает у нее гостя, с которым ей так хотелось наговориться, душой которого хотела бы она пополнить, напоить свою душу, алчущую света ума и пламени сердца, стояла, ломая руки, в зале у окна и, казалось, искала и внутри и вне себя оружия, чтоб не только изгнать противника из гостиной, но даже согнать со двора.

- Столяр принес диванчик, который изволили заказывать, - сказал вошедший человек.

- А! где?... хорошо... вызови Федора Петровича: пусть он посмотрит и заплатит деньги, - сказала Саломея Петровна и пошла в гостиную.

- Федор Петрович, к тебе кто-то пришел.

- Сейчас! - отвечал Федор Петрович, занятый рассказом, - так вот-с, я сижу, вдруг входит в военном сюртуке... человек, рекомендуется, говорит, что майор в отставке...

- Федор Петрович, там ждут тебя!

- Да вот я сейчас доскажу.

И Федор Петрович досказал проделку (много майора и, наконец, извинившись, вышел в залу, где встретил его человек с извещением, что столяр принес диванчик.

- А мне то что! нешто я заказывал! Скажи барыне.

- Да барыня приказала вам сказать.

- Вот тебе раз! Где? Ну, пусть поставят в кабинет Саломеи Петровны, - сказал Федор Петрович и пошел обратно в гостиную.

Саломея Петровна воспользовалась и мгновением.

- Не можете ли вы доставить адрес этой несчастной фамилии, - сказала она Дмитрицкому по выходе мужа, - я хочу посетить ее и помочь, чем только могу.

- Адрес сегодня же доставлю вам чрез Михаила Памфиловича. Если вы намерены посетить их завтра, то я предуведомлю.

- Пожалуйста, я буду тотчас после обеда, часов в шесть. Вы уже едете?

- Сделайте одолжение, прошу покорнейше вперед, - сказал Федор Петрович, встретив гостя в дверях.

- С особенным удовольствием.

- Вам, Саломея Петровна, покойный диванчик привезли, - сказал Федор Петрович, проводя Дмитрицкого до передней.

- Знаю, - отвечала Саломея Петровна невнимательно.

На другой день... Но не угодно ли и читателю посетить бедное семейство, мать с четырьмя или пятью дочерьми, которые трудятся день и ночь и не могут выработать для себя необходимого.

Вот, на самой стрелке между двух главных улиц, стоит одноэтажный дряхлый домишко. На углу лавочка; с одной улицы ворота на двор и калитка. К этому-то домику подъехал на другой день в шесть часов вечера Дмитрицкий и, приказав извозчику отъехать в сторону, вошел во двор. В сенях встретила его девушка.

- Ах, это вы? - сказала она.

- Это я, - отвечал Дмитрицкий, входя в комнату, где встретили его с распростертыми объятиями еще четыре девы, с восклицанием: «А! наш благодетель!»

- Здравствуйте, сударь! - сказала сидящая в другой комнате пожилая женщина.

- Это что! Это что за роскошь! - вскричал Дмитрицкий, взглянув на дев. - Смывай румяны! Прочь наряды! А ты, матушка! Что ты не смотришь за дочками? Разве такая бедность бывает?! Ну, хорошо, что я не запоздал! Да прошу у меня глядеть смиренницами... сидеть за работой! А вы, сударыня, Улита Роговна, насурмились? Это что за прическа?

- Это урики.

- Ну, ну, ну, прочь урики!

- Эх вы, благодетель! - сказала одна из девушек, которую Дмитрицкий очень неучтиво поторопил переодеваться в другую комнату.

- К чему наставили столько свечей? Прочь! Одной с вас довольно. Э-ге! Совсем просмотрел было картинную галерею... Долой! И Дмитрицкий сам сорвал с гвоздей разные картинки в рамках и побросал их под постель; стекла летели вдребезги.

- Что ж это вы все бьете! Ведь это денег стоит! - сказала, разгневавшись, пожилая женщина.

- Помилуй, матушка, прилична ли здесь притча о блудном сыне! С ума ты сошла! Ай, ай, ай, трубки... Чу! Кажется, приехала? Встречай!

Маленькая новомодная колясочка на плоских рессорах, без задка и, следовательно, без человека, остановилась подле калитки. Дама вошла в калитку. Ее встретила мать семейства на крыльце, а Дмитрицкий в дверях.

- Ах, и вы здесь? - сказала Саломея Петровна.

- Я хотел сам представить вам бедное семейство.

- Тем приятнее мне, что мы общим участием поддержим несчастных.

- Вот та несчастная женщина, которую кормят своими трудами эти девушки, - сказал Дмитрицкий.

- Это все ваши дочки? - спросила Саломея Петровна, смотря в лорнет на девушек, которые встали и, потупив глаза, присели. - Как труд истомил их! - продолжала она, - ах, бедные! Вы давно уже в Москве?

- Ах, давно, сударыня... ваше сиятельство, - отвечала с глубоким вздохом плачевным голосом мать пяти дочерей, отирая глаза платком. - Муж помер, оставил меня в бедности, кормись, как хочешь!

- Вы найдете во мне помощь, милая. На первый раз... прошу принять.

- Позвольте поцеловать ручку! Благодарите!

Четыре из девушек бросились также к руке Саломеи Петровны; но одна, едва воздерживаясь от смеху, выбежала в другую комнату.

- Чего вы боитесь, миленькая? - сказал Дмитрицкий, кинув на нее грозный взгляд.

- Вот тебе раз! Буду я руку целовать! - тихо проговорила девушка.

- Одна из них немного помешана, - сказал Дмитрицкий, склонясь к уху Саломеи Петровны.

- Ах, я думаю, они все близки к этому. На них страшно смотреть: какие бледные лица с впалыми щеками... какой мутный взор, губы синие. Это ужасно! - отвечала Саломея Петровна тихо. - Но как здесь чисто, опрятно, - продолжала она, осматривая комнату и потом входя в другую.

- Позвольте вас, сударыня, хоть чайком попотчевать.

- В угождение тебе я выпью чашку, - сказала Саломея Петровна, садясь на стул и заводя разговор с Дмитрицким об отчаянных положениях, в которые люди могут впадать.

Между тем как старуха и девушки хлопотали о самоваре, бегали в лавочку, то за водой, то за сухарями, то за сливками, Саломея Петровна могла свободно вести с Дмитрицким разговор, никем не нарушаемый.

- Что страдания бедности? - говорит Дмитрицкий. - Ничего! Эти люди живут все-таки посреди своих грязных привычек, сыты и счастливы. Истинные несчастья не посередине этого класса людей, а в высшем сословии - посередине довольствия животного. Там истинная бедность - бедность духа, и недостатки... недостаток сочувствия, недостаток любви.

- Ах, как вы знаете сердце человеческое! - сказала вне себя Саломея Петровна. - И этим недостаткам ничем нельзя помочь?

- Да. Кто слаб душой, о, тот не вырвется из оков, в которые его могут бросить обстоятельства. Но знаете ли... я буду с вами откровенен, как ни с кем в мире, но, между нами...

Румянец довольствия пробежал по лицу Саломеи Петровны.

- О, верно. Во всяком случае эта откровенность будет вознаграждена взаимной, - сказала она.

- Я искал любви и сочувствия. Но отец и мать требовали, чтоб я женился на девушке по их расчетам. Я женился...

- Вы женаты?

- Да, я женился. Но у меня нет жены. Ну, просто нет! Есть какое-то существо, которое ест, пьет, спит, ходя и лежа ничего не чувствует, ни об чем не мыслит... Я уехал, и изнываю без пристанища сердцу! Кто теперь достоин более сожаления - я или эти всепереваривающие желудки?

- О, я вас понимаю! - произнесла Саломея Петровна, едва переводя дыхание и подавая руку Дмитрицкому, - я вас понимаю, и никто вас так не поймет!

- Как дорого это сочувствие! - сказал Дмитрицкий, прижав крепко руку Саломеи Петровны к устам.

- Ах, теперь я не в состоянии; но в следующий раз, когда мы увидимся, я открою вам и мои сокровенные тайны и мои страдания.

- У вас в доме наш разговор не может переходить в изливание откровенности, - сказал Дмитрицкий задумчиво.

- Ах, да! Вы это поняли.

- Понял. Здесь, сочувствуя угнетенным несчастьями, мы можем сочувствовать и друг другу.

- Ах, это правда, - произнесла Саломея, вздохнув глубоко и остановив томный взор на Дмитрицком.

Допив чашку чаю, она встала.

- Завтра я посету вас опять; я позабочусь об вас. Не утомляйте себя, милые, трудами, отдохните.

Бросив прощальный взгляд на Дмитрицкого, она вышла.

- Фу! Свалилась обуза с плеч! Ну, прощайте, и мне пора! - сказал Дмитрицкий потягиваясь.

- Конечно, чего ж еще более! - сказала горделиво отвергнувшая честь поцеловать руку Саломеи Петровны.

Дмитрицкий вышел.

(Продолжение следует)

Александр Фомич Вельтман.

Буря в степи

Спрятались птицы, бурянит.
Осень затихла в снегах.
Снег неожиданно ранний
в этих суровых местах.

Скоро совсем уже скоро
холодом ступит зима.
Бьются отчаянно споря,
как исполины, ветра.

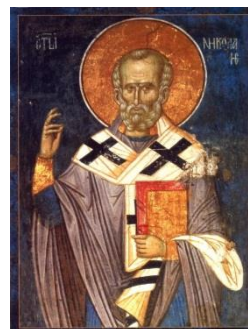
Что так отчаянно степи
смотрите в небо с мольбой?
В земли бескрайние эти
с бурей приходит покой.

День Святого Николая в «Светлице»

Молодёжный раздел

17 декабря, в преддверии празднования дня Святого Николая Чудотворца, в Доме Творческой Интеллигенции «Светлица» прошел концерт для учащихся школ № 19 и № 28 (г.Луганск - ред.) ...Мероприятие приятно удивило познавательностью и духовной насыщенностью. Его организаторам в полной мере удалось, используя продуманный видеоряд на большом экране, рассказать о житии Святителя Николая Чудотворца, о зарождении традиции дарить детям подарки ко Дню Святого Николая и Рождеству. Мягко, таинственно, под звуки «сказочной» музыки, ведущая Наталия Морозова-Мавроди предварила действие праздника:

*«Небо звездами укрылось
И, пройдя сто пять дорог,
От усталости смягчилось -
Вечер сел к нам на порог...»*

*Притомился синеокий,
Но не хочет вешать нос:
Он из древности далекой
Сказку чудную принёс.*

Ярко-синее звёздное небо. Слегка хрустит от мороза снег под ногами прохожих. Они торопятся домой - укрыться в уютное тепло своих домов. Сегодня - 18 декабря. Все в ожидании удивительной, сказочной ночи - ночи чудес. Её ожидают целый год, особенно дети.

В эту ночь Чудотворец Николай является в дома и дарит детишкам угощения и подарки. Одним кладет их под подушку, другие находят подарки в развешенных по дому носках. А начало этой традиции положила одна интересная история, которая, как говорят, произошла на самом деле. Когда Николай Чудотворец был еще молодой, он узнал про трёх сестёр, которые не могли выйти замуж, потому, что у них не было приданого. Ночью он бросил в дымоход три мешочка с золотом, и эти мешочки попали в висящие над камином чулки. Проснулись утром сестры - и ахнули: каждая нашла в чулочке приданое, которого хватило для того, чтобы выйти замуж и зажить счастливо.

День Святого Николая отмечают везде в мире. Дети надеются получить подарки и пишут Святому письма. Они уверены, что Святой Николай принесет им подарок. Готовятся к праздничному дню, исправляют свое поведение, совершают добрые дела. И радуются, когда получают подарки: значит, они вели себя хорошо». Далее дети узнали о том, кто же такой Святой Николай на самом деле и что о нём известно из истории:

«Святитель Николай, архиепископ Мир Ликийских родился в 270 году в Ликийском городе Патары, в Малой Азии (сейчас это территория современной Турции)...

С детских лет Николай преуспевал в изучении Божественного Писания; днем он не выходил из храма, а ночью молился и читал книги, созидая в себе достойное жилище Святого Духа. Дядя его, епископ Патарский Николай, радуясь духовным успехам и высокому благочестию племянника, поставил его во чтеца, а затем возвел Николая в сан священника, сделав его своим помощником и поручив ему говорить поучения пастве. Служа Господу, юноша горел духом, а опытностью в вопросах веры был подобен старцу, чем вызывал удивление и глубокое уважение верующих... Позже Николай стал епископом города Мира - столицы Ликии, находящегося недалеко от города Патары.

Николай прожил долгую жизнь, полную разных, не всегда радостных событий. Но в любых ситуациях он оставался самым собою: добрым, терпеливым, милосердным. И за это любили его люди, и когда Николай покинул этот мир, причислили его к лику святых. Николай Чудотворец покровительствует бедным и путникам, морякам в море и детям. И... по сей день совершает чудеса.

Ходит Николай по свету и творит Добро. А рядом с ним - Ангелы-помощники. Будучи при жизни человеком состоятельным, он очень любил делать подарки нуждающимся, раздавая наследство, полученное от родителей. В рождественскую ночь епископ г.Миры облачался в длинный плащ с капюшоном и незаметно подбрасывал в жилища бедняков сладости, детские игрушки, золотые монеты. Долгие годы жители Миры не догадывались, кто же этот загадочный человек, помогающий бедным и сиротам. Годами святому Николаю удавалось хранить этот секрет, но однажды за этим благородным занятием его застали городские стражники и раскрыли тайну. Так, сам того не зная, епископ Миры Николай стал родоначальником распространившейся по всему христианскому миру традиции - дарить подарки на Рождество. А в городе Патары (сейчас он называется Гелемиш) появился ещё один памятник - доброму Санта Клаусу, у славянских народов - Деду Морозу - прообразом которого стал Святой Николай.

Православные люди празднуют день Святого Николая три раза в году: 19 декабря по новому стилю в день его ухода из жизни, 11 августа - в день рождения, и 22 мая - день, когда святые мощи прибыли в город Бари»...

С благословения батюшки Александра началась основная часть концерта, все номера которого были подготовлены детьми.

«В старые времена праздник Святого Николая, несмотря на пост, был веселый, как и Рождество. Готовили праздничное угощение, приглашали гостей. В этот день народ веселился, играла музыка, были катания на санях, народные гуляния», - продолжила повествование ведущая Наталия Морозова-Мавроди.

На сцене на санях не прокатиться и в снежки не поиграешь, тем более, что он растаял в эти дни из-за оттепели, но дух зимней сказки, дух веселого праздника организаторам концерта удалось воссоздать, во славу Божию, во славу Его Угодника - святителя Николая Чудотворца. Глаза детей светились радостью. Скучать было некогда.

Свои подарки-выступления Святому Николаю, в виде песен и стихов, преподнесли младшая и старшая группы творческого коллектива «Соловушка» Дворца детского и юношеского творчества «Радость» и участники Литературной Гостиной школы № 28 (рук. Н.А. Павлова).

Весело, захватывающе прошли конкурс загадок и игра под названием «Накормить морковкой ослика Святого Николая». Все дети, принявшие в них участие, в качестве подарка получили по шоколадному батончику.

О том, что такое улыбка, доверительно поведала собравшимся в авторском стихотворении Л.И. Парамоненко. А картинку зимы, в дополнение к украшенной елке и Деду Морозу, «дорисовали» слова ушедшей из жизни замечательной луганской детской поэтессы Валентины Зорик:

Хрустальным блеском осыпая,
Стелясь махровой бахромой,
Идёт торжественно ступая,
Мороз с красавицей Зимой.

Смеются солнечные искры,
С деревьев падая снежком,
И застывают льдинок брызги,
Ложась на речку белым сном.

Кружатся в воздухе звенящем
Морозных песен голоса,
И слышен голос их летящий,
Что замирает в небесах

«Существует поверье, что Святой Николай вместе со своими помощниками-ангелочками накануне праздника выпекает печенье, которое так и называется - «Николайчики»».

*В день Святого Николая
Мы с любовью пожелаем,
Чтоб дарили небеса
Вам земные чудеса.*

*По традиции - веками
В каждом доме пирогами
Этот день святой встречали...*

И подарки получали»...

— завершила праздник ведущая.

По доброй старой традиции все участники праздника и зрители отведали «Николайчики» - медовое печенье в форме полумесяцев, звёзд, сердечек, расписанное узорами из белой глазури, которое приготовили организаторы.

Праздник Святого Николая открыл в Доме Творческой Интеллигенции «Светлица» цикл праздников, посвящённых Новому году и Рождеству Христову...

Светлана Тишкина. Луганск.

Православный сайт «Свете Тихий». Печатается в сокращении.

ШОКОЛАДНЫЙ СИМВОЛ ВОЛИ

Давно дело было... В конце шестидесятых. Я тогда в пятый класс ходил. И очень любил конфеты, особенно шоколадные, с белой начинкой. «Пилот», «Весна», «Озеро Рица». Не скажу, чтобы уж так часто они мне перепали, а все же почаще, чем старшей на четыре года сестре, Иринке. Сладким обоим больше баловала бабушка Дуся, наш главный воспитатель.

Заканчивалась вторая четверть, и я жил в предвкушении новогоднего праздника и зимних каникул. Во дворе снежинками на иголках серебрилась уже купленная отцом разлапистая ель. Так хотелось поскорее ее украсить...

И вот наконец отец принес из сарая крестовину, чуточку подпилил ствол лесной красавицы и установил ее посреди зала. В комнате вскорости запахло хвоей. Игрушки развешивали мы с сестрой - разумеется, под контролем бабушки.

О, эти елочные игрушки моего детства! Пузатые будильники, на которых всегда без пяти двенадцать, лубочные избушки с заснеженными крышами, фигурки сказочных зверюшек, переливчатые рыбки, грибы-крепьши... А красная звезда из стекла на проволоке чудом сохранилась у меня и поныне. Айболит и старик Хоттабыч. Светофор и матрешка. Труба, скрипка и барабан: все ручной росписи. Космонавт и ракета. Витые сосульки. Аж три пендитных кукурузных початка. Гирлянды из флажков. И, конечно, жизнерадостные шары - всех цветов и размеров: с портретами вождей, с серпом и молотом, с узорами, с отражателем, с серебристой присыпкой, - неярко блестящие среди колких мохнатых ветвей. Сегодняшние же пластиковые шарики оптом сработаны на одну колодку и без души. Единственный плюс, да и то сомнительный: не бьются.

Под елку мы установили Снегурочку и Деда Мороза из папье-маше с надрезанным мешком: по малолетству Иринка пыталась найти в нем подарок. В заключение священнодействия бабушка принесла еще и конфеты «Пилот» - двенадцать штук, я их сразу сосчитал, и мы на нитках подвесили лакомство за хвостики фантиков. Потом бабушка предупредила:

- И чтоб ни-ни! Пусть пока покрасуются, а уж после праздника разделите.

Ничего себе испытание для меня, сладкожежки! Еще и елка рядом с моим диваном: утром глаза открыл - конфеты с веток дразнятся; спать ложишься - опять душевное расстройство. Что испытание - настоящая пытка неокрепшего волею... Словом, уже через два дня «не вынесла душа поэта». Ведь половина конфет моя, так? Так какая разница, когда именно их употребить? Ну, недовисели, подумаешь, это-то мы замаскируем.

Первой «жертвой» стал «Пилот» с нижней ветки. Подгадав момент, я вытянул его из фантика и с наслаждением сжевал, а пустую бумажку свернул так, чтобы казалось, будто конфета цела. Лиха беда начало - в тот же день добрался и до второй, а следующим утром - до третьей. Ликвидировав полдюжины «Пилотов», временно остановился: оставшиеся-то уже вроде и не мои...

Однако я быстро пришел к мысли, что сестра почти взрослая, и вообще за свою длинную жизнь куда больше меня всяких вкусовостей переела, значит, пора восстанавливать справедливость. И без всяких угрызений опустошил пару очередных фантиков. Потом, даже внутренне не оправдываясь, просто «приговорил» две следующих конфеты. Доел бы и последние, с самого верха елки: семь бед - один ответ. Но тут наступило 30 декабря, и на школьном новогоднем празднике мне вручили традиционный подарок.

Я было хотел подстраховаться, завернуть в пустые фантики конфеты из кулька, но... Это почти все шоколадные повыбирать? Жа-алко...

Развязка наступила после новогоднего ужина - его нам с Иринкой устраивали в девять вечера, и я на нем сидел, как на елочных иголках. Эх, и быть бы мне битым широким отцовским фронтовым ремнем, на котором папа точил трофейную бритву «Золинген». Однако меня отстояла бабушка. Только изъяла четыре наиболее интересные конфеты из оставшихся в кульке и вручила кровно обиженной сестре, тоже любительнице сладкого. Мне же попеняла:

- Нету у тебя, друг ситцевый, силы воли ни на грош. А еще мужчина будущий. Срамота! - и отошла, бессильно махнув рукой.

Очень меня те слова пробрали, даром что мал был. Любым путем доказать захотелось: конфеты - пустяк, а сила воли имеется, и настоящий мужчина - такой, как мой кумир актер Жан Маре из любимого фильма «Парижские тайны», из меня обязательно получится.

Пожалуй, то был первый в моей жизни по-взрослому осознанный поступок. В сильно потопившем кульке-подарке оставалась большая шоколадная медаль в серебряной фольге и с вы-

ступающей картинкой: космический корабль, удаляющийся от Земли к звездам. Медаль сберегалась напоследок, вкуснее будет казаться. Взял я ее - и с отчаянной решимостью принес бабушке:

- На, возьми, а отдашь на следующий Новый год, тогда и съем. И попробуй только после сказать, что у меня силы воли нет!

- Э-э-э, друг сердешный, так дело не пойдет, - возразила бабушка. - Невелика важность, если я шоколадку под ключ упрячу. А вот ты ее в свой стол положи, чтоб все время под рукой, и потерпи годик. Тогда - герой!

На том и порешили. И еще - что это будет наш секрет.

Намучился я. Особенно - спервоначалу. Сядешь уроки учить - а мысль о рядом лежащей сласти все знания отгоняет. Вынешь шоколадку, посмотришь на нее - тьфу, сгинь, искушительница! - и назад, в ящик.

Я уж и серебряную фольгу аккуратно снимал, и шоколад нюхал, и кончиком языка к выпуклому изображению прикладывался. Ах, как хотелось отгрызть ту же «Землю», либо хотя бы ракету слизать... Сейчас-то понятно: сам соль на рану сыпал. Но - кое-как держался. Бабушка же время от времени интересовалась:

- Ну, что там твоя медаль? Есть еще сила воли, не съел?

Я несся к столу и предъявлял заначку. И как был тогда горд и счастлив!

Летом сдерживать себя оказалось проще: каникулы, еще и в гости уезжал. Вернулся домой - и сразу к столу: на месте ли шоколад? Да куда ему деться... А вот в сентябре едва не сорвался. Получил нагоняй от матери за то, что гулял много, по-летнему, а за уроки садился под вечер. И как бы в компенсацию просто загорелось эту распроклятую медаль изничтожить! Спасибо бабушке - вовремя углядела, что с внуком что-то неладное, и о «силе воли» спросила...

Дотерпел-таки я до следующего Нового года! За праздничным столом бабушка открыла домашним нашу тайну и торжественно подвигла меня на поедание шоколадного символа воли. Медаль к тому времени треснула - как раз меж Землей и ракетой, немного посветлела и сильно затвердела. Пришлось ее натурально грызть.

И все равно: это был самый вкусный шоколад, который мне довелось попробовать в жизни...

Ф.М. ОШЕВНЕВ.

г.Ростов-на-Дону E-mail: fedoroshevnev@rambler.ru

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит,
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

И стоит он, околдован,
Не мертвец и не живой -
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Лёгкой цепью пуховой...

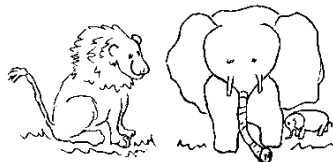
Солнце зимнее ли мечет
На него свой луч косой -
В нём ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

Федор Тютчев

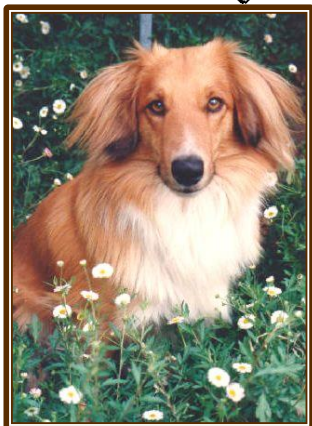
Кот поёт, глаза прищуря;
Мальчик дремлет на ковре.
На дворе играет буря,
Ветер свищет на дворе.
"Полно тут тебе валяться, -
Спрячь игрушки да вставай!
Подойди ко мне прощаться,
Да и спать себе ступай".
Мальчик встал, а кот глазами
Проводил и все поёт;
В окна снег валит клоками,
Буря свищет у ворот.

Афанасий Фет

Тузик и его друзья

Золотое сердечко.

Самый последний день перед Рождеством называется Сочельник. В этот день на Шумном Дворе суета: мама-Иголочка печёт что-то вкусное; папа-Лобик достаёт из коробки ёлочные украшения и раскладывает их на столе, - говорит, Деду-Морозу надо помогать, ведь он старенький, ему трудно всё делать самому...

Бублик и Говорилка тоже стараются: собрали во дворе старые ветки, подняли с травы забытые игрушки... мишка всю ночь пролежал под дождём и теперь грязный; у зайчишки оторвано ухо; а ещё - кубики возле забора, и ведёрко без лопатки...

Когда на траве стало чисто, когда выкупали мишку и зайчишке пришили ухо, гномики вскарабкались на ветку Леопарда. Сидят и думают: «Что ещё хорошее можно сделать?» Вдруг над головой раздался крик попугая - это Базлан каждое утро приносит на Шумный Двор новости...

- Беда! В больнице маленькие детишки! У них животики болят. И горлышко, и ушки. Поэтому доктор детишек домой на Рождество не пускает.

- Да-да, - подхватили сороки, - доктор сказал, что больным деткам ёлочку в больнице поставят. - А детки грустные - домой хотят...

- Да, это очень скучно, лежать в больнице на Рождество! А что делать? Малышам надо поправляться... - опять закричал Базлан.

- Давай, детишкам пряничков напечём! - обрадовался Бублик.

- А я им полные карманы конфет принесу... - сказал Говорилка.

Мама-Иголочка услышала разговор гномиков, вышла из домика и сказала:

- Что вы, что вы! Доктор сказал - нельзя в больницу конфеты и прянички приносить, детки ведь разные, некоторые - на строгой диете...

- А это что - «на строгой диете»? - захлопали глазами оба гномика.

- А это - когда нельзя есть сладкое, или орешки, или прянички, или ещё что-то, - подошёл в детям папа-Лобик. - Иначе больные малыши ещё больше заболеют...

- А как же доктор Аболит? - удивился Говорилка.

- Да, да! Доктор Аболит давал больным малышам шоколадки! - сказал Бублик. - Вот она, книжка: тут всё нарисовано...

Дедушка-Помахайкин рассмеялся:

- Доктор Айболит зверушек лечил. И потом - это сказка. А в сказках всякое бывает...

- А с настоящими детками надо осторожно обращаться, - сказала мама-Иголочка. - Лучше подарите им игрушки.

- Игрушки!!! Это же замечательно! - заверещал Базлан на весь Шумный Двор. - Только надо, чтобы игрушки были новые, чистые... а не такие, что всю ночь валялись на траве и под дождём мокли.

Гномики виновато опустили головы.

- Да, новые! - повторил попугай. - Иначе принесёте детям в больницу микробы.

- «Микробы»? Что это? - выпучили глаза оба гномика: такого слова они ещё не слышали.

Вместо ответа, сороки громко закричали:

- И ещё надо, чтобы на игрушках не было пуговиц и бус, которые дети могут оторвать и взять в рот.

С веранды спустились Тузик и Матильда Леопольдовна.

- Кошек и собак, наверное, не пускают к больным детишкам? - вздохнул Тузик, - ведь мы можем занести микробы... - Но это ничего: вы подарите малышам цветные карандаши и бумагу: дети сами будут нас рисовать. И ещё, почитайте им сказки...

- А как быть с игрушками? - спросила Матильда Леопольдовна, и посмотрела на маму-Иголочку

- Да, да, знаю... - сказала мама-Иголочка.

Она пошла в домик под Леопардом, и затем вышла оттуда с большой коробкой ярких лоскутков. Потом принесла нитки, пластиковые ножницы и иголки. Папа-Лобик поставил под Леопардом небольшой стол. Дедушка-Помахайкин принёс стулья.

- Ну, детки, моем руки и садимся за работу, - сказала мама-Иголочка: - ведь игрушки должны быть чистыми, правда?

На Шумном Дворе тихо. Гномики и мама-Иголочка шьют. Тузик и Матильда Леопольдовна стоят рядом, но работу не трогают: а вдруг на шитьё попадут микробы! Но они тоже помогают: подают хорошие идеи, ценные советы; иногда спорят - что лучше, кукла или динозаврик...

- Для девочек, наверное, лучше куколка, - задумчиво сказала Матильда Леопольдовна.

- Только без пуговиц и бусинок! - напомнили сороки.

- А что сделать для мальчиков? - повёл ухом Тузик.

- Как, что? - удивился Говорилка: конечно, они любят динозавриков!

- И ещё, сделаем лягушку, - поддержал братишку Бублик. - И ещё - тигра, бегемота, слона, мишку, рыбок...

Через два часа подарки были готовы. Новенькие. Чистые. Все в прозрачных пластиковых мешочках - чтобы доктор знал, что там лежит, и мог передать всё Деду-Морозу.

Папа-Лобик сложил подарки в тележку, посадил туда гномиков, и затем прицепил тележку к велосипеду. Когда выезжали с Шумного Двора, Матильда Леопольдовна сказала:

- Я побегу впереди - буду показывать дорогу.

- А я буду бежать сзади, вас охранять, - сказал Тузик.

У ворот больницы ждал симпатичный доктор.

- Спасибо, друзья, за подарки для больных малышей, - сказал он. - Ребята будут очень рады.

Они просили меня передать, что напишут вам письмо, как только поправятся.

И вдруг доктор достал из кармана большой пакет.

- Дорогие гномики, это - вам... Лично от меня. За вашу доброту. В мешочке - шоколадные сердечки в золотой бумаге. Потому что у вас самих - золотые сердечки.

Потом доктор нагнулся к Тузику и Матильде Леопольдовне.

- Я бы рад вас погладить, друзья. Да нельзя: микробы! Ведь я сейчас пойду к больным детишкам. Но вам тоже есть подарки: кошке - кусочек сыра, собачке - косточка, и даже семечки для вашего попугая - ведь это он сообщил вам, что больные детки остаются на Рождество в больнице...

Когда папа-Лобик привёз Бублика и Говорилку на Шумный Двор, на ёлочке уже горели разноцветные лампочки. Значит, скоро придёт дед-Мороз.

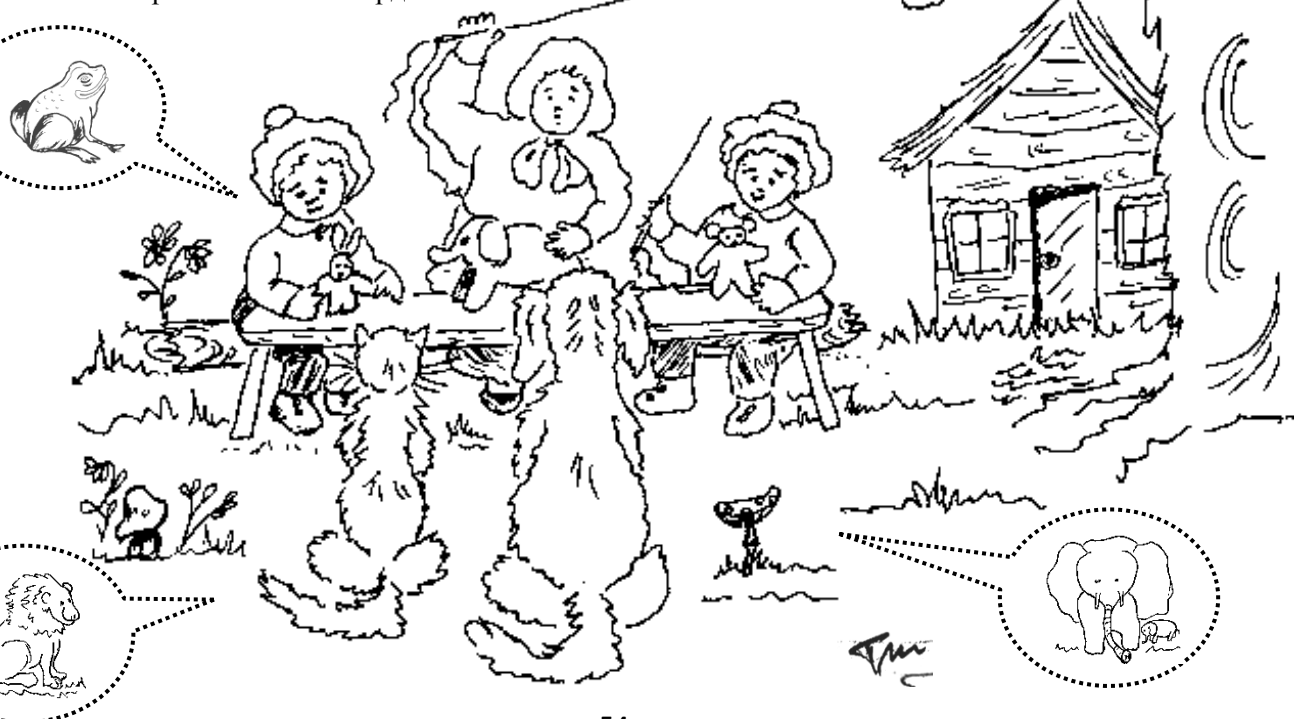
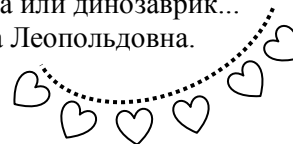
У гномиков было удивительное настроение:

- Больные детишки, наверное, сейчас радуются, - шёпотом сказал Бублик.

- И мы тоже... - сказал Говорилка.

- Даже ёлочке весело стало, - удивился Бублик, - смотри, как вся блестит!

Гномики подошли к ёлочке, хотелось потрогать на ней игрушки, и вдруг увидели, что - вместо игрушек - она вся покрыта золотыми сердечками...

СОДЕРЖАНИЕ

Рождество (стих. Митр. Владимир Сабодан)	1
Молитва (стих. Митр. Владимир Сабодан)	1
От редакции – «Литературная «Жемчужина»	2
Основы христианской культуры (очерк, И. А. Ильин)	5
Печаль моя... (стих. В.К. Невярович)	9
Привезите мне белого... (стих. А. Гушан)	9
В сорок первом (стих. Владимир Колабухин)	9
Мир всколыхнулся (стих. А.Ю. Янкова)	9
В языке заложен вектор развития народа (интервью с В.Д. Ирзабековым)	10
Семь нот, или Симфония жизни (миниат. И. Бабич)	14
Письма читателей	15
Вечное движение (миниат. А. Смирнов)	17
Странник во времени (стих. Е. Кульба)	17
Бунин о Есенине (очерк, Юрий Евстифеев)	18
Веселая вечеринка (рассказ, Н. Тэффи)	20
Завывают белые метели (стих. А. Лазутин)	23
Где чистые песни Полесья (стих. Е. Русецкая)	23
В гостях (рассказ, С.И. Гусев-Оренбургский)	24
Купола припорошены снегом... (стих. прот. В.Мазур)	30
Японские сонеты о зиме (автор - Альбина Янкова)	30
(Сказка лесная, Чудо морозной зимы, Звёзд серебристость, Тихо уходит год...) -	
Тревога (рассказ, А. Лопатин)	31
Ранние грозы (рассказ, М.В. Крестовская)	34
Этот странный русский язык	38
Соломея (роман, А.Ф. Вельтман)	39
Буря в степи (стих. Е. Русецкая)	48
День Святого Николая... (репортаж, С. Тишкина)	49
Шоколадный символ воли (рассказ, Ф.М. Ошевнев)	51
Чародейкою зимою... (стих. Ф. Тютчев)	52
Кот поёт... (стих. А. Фет)	52
Тузик и его друзья (сказка, Т. Малеевская, рис. автора)	53

Над номером работала: редактор Т.Н. Малеевская.

Журнал можно приобрести в редакции «Жемчужины» - (07) 3161-49-27, в прицерковном киоске Св.-Владимирской церкви (Рокли) в Брисбене, в киоске Покровского Кафедрального Собора в Мельбурне, а также у следующих лиц:

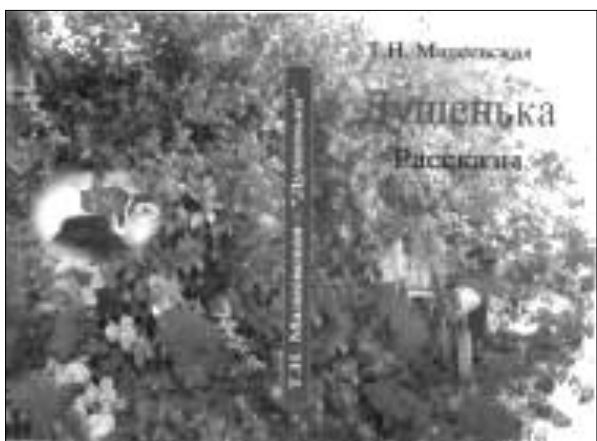
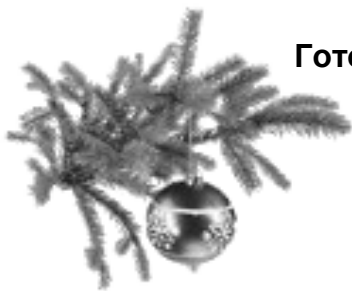
Э.И. Городилова (02) 9727-69-87

З.Н. Кожевникова (02) 9609-29-87

Рисунки на обложке и к избранным текстам (иниц.) – работы Т. Малеевской (Попковой)..

ВНИМАНИЕ!

**Готовится к изданию сборник рассказов
Геннадия Гончарова
«РАССТРЕЛ»**

Т. Малеевская
«Страна отцов»
«Серебряный город»
«Душенька»:
А также книга
В.А. Малеевского «Претенденты на
Российский Престол»
За справками обращаться:
(07) 3161-49-27
или
tamaleevpearl@gmail.com

**В литературном кружке «Жемчужное Слово»
проходят регулярные виртуальные встречи,
Все данные на сайте (см. ссылки выше)
Новый способ общения - Скайп (Skype)
По всем вопросам обращаться в редакцию**

**Сайты связанные с журналом
«Жемчужина»**

Электронная версия журнала «Жемчужина»
<http://zhemchuzhina.yolasite.com>

Новый сайт «Русское Зарубежье», посв. Харбинцам
и послевоенным эмигрантам из Европы –
<http://ruskojezarubezhje.yolasite.com>

Литературный кружок «Жемчужное Слово»
<http://zhemchuzhnojeslovo.yolasite.com>

личный сайт автора - tamaleevwriting.yolasite.com

